АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах космической струи

КНИГА ПЕРВАЯ

Анатолий Зарецкий

НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах космической струи

«Издательские решения»

Зарецкий А.

НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах космической струи / А. Зарецкий — «Издательские решения»,

— Дождались, — заулыбался Кузнецов. «Доигрались», — мгновенно припомнилось сказанное им у проектантов.— Что еще за «Буран»? — ворчал мой наставник…Что это? Победа или поражение?Что же все-таки будет создавать ведущее КБ страны, основанное С. П. Королевым и руководимое его другом-соперником В. П. Глушко? Новый мощный носитель или советский вариант «Шаттла»? Будем ли мы работать на опережение или догонять ускользающее время?

© Зарецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия. Детство, юность, годы молодые 6
Глава 1 На нулевой отметке 17
Глава 2. В Москву 33
Глава 3. Московский штиль 37
Глава 4. Ответственный квартиросъемщик 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах космической струи
Книга первая
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия. Детство, юность, годы молодые

В отрасли космического ракетостроения я оказался случайно. Впрочем, именно случай так или иначе определяет большинство событий нашей жизни, хотя зачастую нам кажется, что мы сами выбираем свой жизненный путь… Увы…

С детских лет я мечтал о небе. Трудно сказать, когда и откуда это пришло. Скорее всего – из раннего детства, когда наша семья долгое время жила в лагерях немецких военнопленных в Харькове. Там работали мои родители. Там же за полгода до окончания войны в теплой землянке, в которой размещалась поликлиника лагеря, родился я.

В лагере я долго был единственным ребенком – любимцем пленных немцев. Уже лет с пяти мне позволяли самостоятельно перемещаться по всей территории лагеря, включая зону. В том ограниченном мирке, казавшемся таким огромным, я чувствовал себя комфортно в любом месте. Сторожевые вышки, ряды колючей проволоки, солдаты охраны и колонны пленных немцев – все это навсегда врезалось в память…

Немцы всегда улыбались, весело шутили, но никогда не насмехались и не обманывали, даже в шутку, как наши солдаты. Многих пленных я знал не только в лицо, но и по фамилии, а то и по имени. Было у меня и свое немецкое имя – Пуппи (Куколка). Оно мне не нравилось, но моего настоящего имени немцы, похоже, не знали, или не хотели знать.

– Пуппи! Ком цу мир, – приглашал подойти кто-нибудь из солдат, едва входил в любое из помещений, где находились пленные, – Битэ, – подавал он кусочек сахара или самодельную игрушку.

– Филен данк, – благодарил я за подарок.

А из другого конца помещения уже неслось очередное призывное: «Пуппи!» Кто-нибудь из сидящих на табуретах, сажал к себе на колени, и мы слушали импровизированный музыкальный номер, исполняемый на одной, а то и сразу на нескольких губных гармошках. А иногда солдаты, надев вместо пилоток смешные шляпки с перышками, пели необычные песни. Слушая удивительные переливы их голосов, я смеялся от восторга. Лишь через несколько лет, уже вне лагеря узнал, что слушал тирольские песни.

Мне нравились мои немецкие друзья, а особенно переводчик – гер Бехтлов. Он единственный понимал меня, когда в разговоре, не задумываясь, смешивал русские и немецкие слова. Он тут же все повторял, но по-немецки, без русских слов.

– Варум? – часто спрашивал его, и он терпеливо отвечал на многочисленные вопросы маленького «почемучки». Именно гер Бехтлов несколько лет нашей дружбы открывал мне окружающий мир, заодно прививая азы немецкой культуры…

– Ауф штейн! Штильге штанген! – командовал унтер-офицер и все, включая меня, вскакивали и вытягивались в струнку, держа руки на бедрах. Входил немецкий офицер. Офицеры – такие же пленные, как и рядовые, но немецкий армейский порядок есть порядок. И я это понимал и принимал как должное.

Мне нравился немецкий порядок. Мне нравились немецкие офицеры – строгие и недоступные. С ними нельзя заговорить первым, можно лишь отвечать на вопросы. Они почти не говорили со мной, как рядовые солдаты, зато часто одобрительно похлопывали по плечу. В моей памяти они остались строгими людьми в красивой форме.

Но больше всех нравилась летчики Люфтваффе. Их форменная одежда была самой красивой. К тому же только они угощали необычным лакомством – шоколадом. Иногда предлагали сначала полетать, и когда соглашался, высоко подбрасывали и ловили почти у самого пола. Захватывал дух, было страшно, но не плакал, а наоборот – громко смеялся от необычных

ощущений. Летчики тоже смеялись и говорили, что я непременно буду русским летчиком. Что такое быть летчиком, я не знал и, как всегда, засыпал вопросами гера Бехтлова.

– Если станешь летчиком, будешь, как они – сильным, ловким, в красивой форме, – отвечал он, – А главное – будешь летать в небе, как Бог…

Мы покинули лагерь, когда мне исполнилось шесть лет, то есть когда как личность вполне сформировался. И теперь не только внешностью и знанием языка, но и характером больше напоминал немецкого ребенка, чем русского. Все последующие годы моей жизни я сам и окружающие с большим трудом ломали этот характер…

В лагере мы жили в каком-то искусственном мире, созданном за рядами колючей проволоки. Совсем не так было вне лагеря. Я повсюду видел следы той страшной войны. Город все еще лежал в руинах. А надписи на домах «Мин нет» сохранялись даже, когда пошел в первый класс.

Но я никогда не видел ничего другого. Когда родился, все уже было именно таким. Поэтому для меня вид разрушенного города казался привычным – нормальным. Он не удивлял и не поражал. Но только вне лагеря впервые увидел людей, обездоленных войной. По улицам катались на тележках инвалиды без ног. Часто встречались люди на костылях, или без рук. Это было непривычно и страшно. Я боялся этих людей.

Признаком времени были громадные очереди за всем, и в первую очередь – за продовольствием. Повсюду множество нищих, просящих подаяние. Иногда их нестройные колонны куда-то вели милиционеры с револьверами наизготовку. Ничего подобного никогда не видел в лагерях военнопленных…

Вне лагеря у меня, наконец, появились друзья и подруги. И самые первые – это Людочка Кучеренко и Вовка Бегун. Людочке едва исполнилось пять лет, а Вовка – мой ровесник. Нам не было еще и семи. А через год мы с ним пошли в первый класс, где, растолкав всех, вместе сели за первую парту…

Во втором классе всех моих школьных друзей перевели в бывшую женскую школу. А наш «мужской» коллектив разбавили группой девочек. Начиналась эпоха смешанного обучения. В результате вместо Вовки Бегуна на освободившееся рядом со мной место за парту сел Женька Иоффе. Не сразу, но мы все же подружились.

Однажды Женя пригласил в гости. Он жил в военном городке ХВАИВУ (так тогда сокращенно называлось авиационное училище, где работал его отец). Оказалось, Владимир Владимирович, отец Жени – генерал-лейтенант авиации и второй человек в этом учебном заведении. Несмотря на солидное положение главы, семья вела скромный, почти спартанский образ жизни, обусловленный частыми переездами из гарнизона в гарнизон. Вскоре я стал в этой семье своим человеком. С Женей мы дружили почти три года, пока его отца ни перевели в Москву. В военном городке ХВАИВУ я впервые увидел курсантов в летной форме и воочию представил свое будущее…

Семья Жени жила в обычном многоквартирном доме, но в особом, так называемом «генеральском подъезде». Вскоре я уже знал в лицо всех жильцов подъезда, да и они меня тоже. «Сближению» способствовали периодические коллективные вылазки «на подхоз» – в подсобное хозяйство училища. В выходные дни вереница генеральских «Побед» и полковничьих «газиков» доставляла высокие семейства за город, где были лес, пруд и большая поляна, на которой тут же разбивали палаточный лагерь. Мы с Женей и другими детьми, среди которых были несколько наших одноклассников, играли в детские игры, купались в пруду, загорали. А взрослые устраивали импровизированное коллективное застолье, расстелив скатерти прямо на траве. Там я впервые узнал вкус сыра, колбасы и даже красной и черной икры…

Вскоре у нас с Женей появился наставник – их сосед по лестничной клетке. У соседа-генерала не было детей, а потому мы с Женей стали своими в его маленькой семье. Украшением генеральской квартиры была шикарная библиотека, которую семья, похоже, собирала всю жизнь. И, конечно же, я стал самым активным ее читателем. Я пользовался этой библиотекой еще несколько лет уже после того, как Женя уехал из Харькова. Естественно, что под руководством хозяина библиотеки постепенно перечитал все, что было так или иначе связано с авиацией. А у него было очень много редчайших книг…

Однажды, ориентировочно в начале пятьдесят шестого года, мы с Женей узнали настоящую тайну. Мы впервые услышали столь подробный рассказ о ракетно-ядерном щите страны и о зенитных ракетных комплексах. Сообщая эту, несомненно, секретную информацию, генерал пытался убедить, что занимавшая наши умы военная авиация обречена, и вместе с приоритетом вскоре потеряет свой былой блеск и привлекательность.

Потому что будущее – за автоматизированными комплексами, скрытно расположенными повсюду. Там будет совсем мало людей и много умной техники. Управляемые из подземных бункеров беспилотные ракеты в любой момент смогут быстро доставить атомные бомбы прямо к целям, расположенным за тысячи километров. Аналогичные ракеты мгновенно уничтожат любые группы самолетов противника еще на подлете. Никаких воздушных боев не будет, а самолеты не спасет ничто – они непременно будут сбиты.

Мы впервые не поверили нашему наставнику. Нам так нравилась военная авиация. Именно военная, потому что гражданская уже казалась нам, юным поклонникам покорителей неба, обыденной, лишенной романтики. А ракеты воспринимались как что-то неодушевленное, архаичное, типа сигнальных ракет, снарядов от «катюш», или же наоборот – как нечто из области научной фантастики, типа межпланетных кораблей будущего…

В тот день генерал был чем-то огорчен, а потому, похоже, много выпил. Иначе, мне кажется, вряд ли затеял бы с нами тот странный разговор. Именно его состояние и заставило нас усомниться в достоверности рассказа.

– Фантазер, – не сговариваясь, заключили мы с Женей и не стали ничего уточнять у его отца, тем более, генерал просил строго хранить доверенную нам тайну. Повторных бесед на эту тему не было. А потому мы по-прежнему «бредили» авиацией…

Как-то раз, когда уже учился в шестом классе, мне поручили навестить нашего заболевшего одноклассника – Володю Ткачева. У него я впервые увидел сделанную им кордовую модель самолета. Особенно поразил миниатюрный моторчик, который работал как настоящий авиационный двигатель. Я был разочарован тем, что эти двигатели авиамоделисты не делали сами – их выдавали в кружке. А вот все остальное они создавали своими руками.

С легкой руки Володи Ткачева я несколько лет был активным членом кружка авиамоделистов при харьковском Дворце пионеров. В кружке научился не только проектировать и собирать достаточно сложные модели, но и управлять ими в полете. Одно время полностью захватили «пилотажки» и модели воздушного боя. Но со временем увлекся изготовлением летающих моделей-копий. Мое увлечение сохранялось долгие годы, а высшим достижением стала копия американского самолета F-102, которую сделал из тонкого дюраля по заводской технологии. Но это уже было, когда учился в Харьковском авиационном институте и работал на авиационном заводе…

Когда умчат тебя составы
За сотни верст в далекий край,
Не забывай родной заставы,
Своих друзей, своих подруг не забывай.

Не забывай, что после вьюги
С весной опять приходит май.
Не забывай своей подруги,
Своей весны, своей любви не забывай.

Эту песню я услышал во сне. Я проснулся, когда уже отзвучали ее последние аккорды. Мелодия, а особенно слова песни показались необыкновенно выразительными. Непостижимым образом они затронули какие-то особо чувствительные струны души девятилетнего ребенка, каким тогда был.

Несколько минут лежал и тихо плакал от избытка переполнявших меня чувств. «Я никогда тебя не забуду, Людочка», – мысленно повторял одну и ту же фразу, заливаясь слезами… Возможно, это была песня-предчувствие моей судьбы. Не знаю. Но мелодию и слова запомнил с того самого единственного исполнения. За пятьдесят с лишним лет мне так и не удалось услышать песню еще хоть раз. А память сохранила лишь эти два куплета, да обрывки стихотворных фраз. Я не искал песню. Зачем? Она до сих пор живет в моей душе – такой, какой помню. Мне незачем ее менять…

А в то утро, когда она прозвучала из репродуктора, до нашей первой весны оставалось еще более семи лет, то есть ровно столько, сколько тогда было моей подружке Людочке, с которой уже дружил больше двух лет…

С того самого дня к Людочке я всегда относился с особой симпатией, как ни к какой другой девочке. А через много лет девятнадцатилетняя девушка призналась, что она это знала, причем именно с семилетнего возраста. И ей нравилось мое отношение к ней…

Летом шестидесятого года впервые увидел землю с высоты. И я не был пассажиром. Целый день на допотопном «кукурузнике» мы распыляли химикаты над колхозными полями. По командам летчика включал и выключал распылитель. Мы взлетали и садились для дозаправки с десяток раз и летали на высоте «бреющего полета». Восторгу моему не было предела…

А осенью моя подружка поразила тем, что стала чемпионкой города среди школьников по художественной гимнастике. Именно тогда осознал, что она необыкновенно привлекательна и может нравиться другим ребятам. В тот день окончательно понял, что люблю Людочку, и мне еще предстоит бороться за ее признание. И тогда решил удивить ее так, как она удивила меня. Через месяц меня приняли в аэроклуб – на курсы подготовки планеристов. Людочка была в восторге…

Весна шестьдесят первого года стала нашей с Людочкой первой весной. Мы объяснились без слов и все дни, оставшиеся до моего отъезда в Крым, были так счастливы, как никогда больше потом…

Крымское лето подарило мне крылья. За два с половиной месяца ежедневных полетов освоил столько, что был отмечен инструктором, который пригласил меня на командные сборы планеристов и предложил обучаться у него по особой программе. В то лето я видел небо и землю такими, какими не видел больше никогда…

Но с осени началась черная полоса моей жизни. Без объяснения причины, моя любимая Людочка порвала все отношения на долгих пять с половиной лет. А через месяц узнал, что не прошел медкомиссию военного училища летчиков. Вдобавок меня тут же отчислили из аэроклуба… Я потерял подругу и любимую. Я потерял мечту. Я разом потерял все, чем жил в юности…

Долгие годы душа разрывалась от боли. И эту боль я доверял только моим стихам и никому больше. Никто, даже друзья, не знали о том, что творилось в моей страдающей душе. А внешне был бодр, даже весел и хорошо учился, почти не прилагая усилий…

Учебу на первом курсе авиационного института мне, как и многим студентам технических вузов, пришлось совмещать с работой на авиационном заводе. С непривычки было тяжело, зато отвлекало от тяжких дум. А на втором курсе, когда нагрузка спала, и осталась лишь учеба, беда навалилась с удвоенной силой. И я не выдержал. В институте мне было неинтересно всегда, а в состоянии депрессии – невыносимо тоскливо. Я перестал посещать занятия, не стал сдавать весеннюю сессию, и был отчислен…

Под давлением родителей согласился с их неверным решением и вместо срочной службы в армии угодил в военное училище. Бывшее ХВАИВУ уже изменило профиль обучения – стало готовить офицеров для ракетных войск стратегического назначения. Теперь оно называлось командно-инженерное училище – ХВКИУ. От авиации здесь сохранилась лишь летная форма.

Так в круг моих интересов вошла ракетная техника. Я готовился стать военным инженером-ракетчиком. И на три года моим домом стала казарма…

Лето шестьдесят шестого года стало поворотным в моей судьбе. Черная полоса продолжительностью в пять лет постепенно стала светлеть. В Бердянске, где отдыхал в семье Саши Бондаря, с которым дружил все пять лет учебы в училище, познакомился с удивительной девушкой – Валей Кузнецовой. Валя-Валентина, как ее звал тогда, вернула меня к жизни, вселила уверенность в себе, подорванную годами самоотречения. Она была инициатором нашего бурного романа. Эти трое суток в городе у моря запомнились нам обоим на всю жизнь.

Увы, внезапно мы потеряли друг друга на целых три года. А когда встретились вновь, она уже была замужем за Сашей. Именно тогда я потерял его как друга…

Осенью того же шестьдесят шестого года случайно встретил подругу Людочки. В непростом разговоре неожиданно узнал, что это она расстроила наши с Людочкой отношения, оклеветав меня перед любимой. От нее же стало известно главное – все пять с половиной лет нашей разлуки Людочка не забывала нашу весну. У нее много друзей, но она, как и я, до сих пор одинока…

Три с половиной года Людочка избегала любых разговоров со мной, еще два года мы не виделись вовсе. Но стоило ей прочесть мои стихи, которые передал через подругу, поняла, как ошибалась все эти годы.

И вот мы встретились. Мы взглянули в глаза друг другу, и слова стали лишними. К нам вновь вернулось счастье взаимной любви…

Но это уже было горькое счастье. Людочка знала, что безнадежно больна, а потому, вопреки чувствам, не хотела развивать наши отношения. Она готова была пожертвовать своей любовью ради моего мнимого счастья. Но я любил мою Людочку так сильно, что просто не мог поверить в неизбежное и был готов на все, чтобы его предотвратить. Моя бесконечная любовь придавала силы. Я развил такую бурную деятельность, что даже Людочка поверила, что может быть спасена. Мы впервые объяснились, не скрывая чувств и сомнений, и решили соединить наши судьбы, какие бы испытания ни готовила нам жизнь. Мы объявили о помолвке, и моя любимая Людочка стала моей невестой. С того дня она стремительно пошла на поправку…

Но чудес не бывает. И полгода счастья закончились внезапной смертью любимой… Моя душа умерла вместе с Людочкой… Утешало лишь то, что она ушла, не разочарованная жизнью… Мир опустел без моей Людочки. Стало неинтересно жить. Ведь, чего бы я ни достиг, об этом никогда не узнает моя любимая…

Но однажды вспомнил, что, прощаясь со мной, она взяла обещание «учиться всему и всегда». И тогда я с головой погрузился в учебу, на время подавив свои чувства.

Моя дипломная работа была признана лучшей. Но меня не оставили в училище. Не направили и в строевую часть, хотя «доброжелатели» уже подготовили именно этот вариант. Вместе с Сашей Бондарем и еще двумя сокурсниками меня распределили в испытательную часть научно-исследовательского полигона, широко известного под громким именем «Космодром Байконур».

Прощаясь с родным городом, посетил наши с Людочкой памятные места, где мы были так счастливы. У могилы любимой долго вспоминал эпизоды нашей жизни и неожиданно понял, что обязан сделать все, чтобы сохранить память об этой неповторимой девушке, о нашей с ней чистой дружбе и большой любви… Впервые появилась конкретная цель, которая придала некий смысл моей унылой жизни…

К месту назначения ехали втроем – Валя с Сашей и я. Для нас с Валей этот путь оказался непростым. Мы встретились с ней через три года безвестности и, наконец, выяснили, кем и как были разрушены наши отношения. Я не принял ее неразумного предложения отстать от поезда и вернуться домой. Валя все еще нравилась мне, но в глубине души понимал, что любить ее так, как любил Людочку, уже не смогу никогда…

Меня распределили в часть, которая проводила летные испытания ракеты Н1. В то время это была самая мощная космическая ракета-носитель страны – аналог американской ракеты «Сатурн 5», обеспечившей высадку космонавтов на Луну. К сожалению, С. П. Королев не успел довести этот проект до этапа летных испытаний. А без него работа шла трудно, если ни сказать больше – безнадежно плохо.

Часть уже провела два аварийных пуска. Вторая запущенная ракета взорвалась прямо на стартовом сооружении. И «правый старт» потом восстанавливали несколько лет.

Меня назначили начальником бортового расчета и поселили в гостинице части прямо на площадке. На левом старте, который не пострадал при взрыве, уже стоял макет ракеты. В первый же день меня определили в наряд по его охране. И завертелась карусель бесконечных нарядов. Я бы навсегда утонул в том водовороте, если бы ни моя специальность.

Уже через месяц меня освободили от всех нарядов и приставили к ракете. Я оказался на виду – в эпицентре событий. Как губка впитывал все, что узнавал в процессе круглосуточной посменной работы, и через два месяца уже ничем не отличался от моих сменщиков. Но глубокой осенью макет сняли со старта и вернули в МИК для доработок.

Мне удалось удержаться в составе технической элиты – отныне я вел все занятия по специальной подготовке.

Напряженная работа не давала расслабиться, но в номере гостиницы, где оставался наедине с собой, на меня тяжким грузом наваливалась тоска одиночества. В конце концов, поступил как все – присоединился к одной из многочисленных пьющих компаний.

Зиму почти не заметил – она пролетела в тщетной суете бесконечных нарядов и в пьяном угаре однообразных вечеров и выходных дней.

А на излете зимы у меня появилось свое дело. Мне поручили сделать спецкласс с тренажерами для подготовки боевого расчета. В той работе я почувствовал себя главным конструктором. Да собственно так оно и было – я руководил коллективом единомышленников, и все мои решения были окончательными. В сжатые сроки пришлось разобраться с алгоритмом работы всех бортовых и наземных систем и создать имитаторы этих систем. Это творчество увлекло настолько, что отдавал ему все мое время и всю душу. И все получилось. Системы и агрегаты работали, как часы.

– Так бы настоящие функционировали. Ракета давно бы летала, – заявил командир части полковник Ширшов, председатель конкурсной комиссии.

В конкурсе к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина мы заняли первое место. Меня, как победителя конкурса, наградили юбилейной медалью.

А потом произошли события, которые радикально изменили мое представление о работе и, соответственно, мое к ней отношение. Мы уже с месяц работали с макетом на старте, когда узнал, что наш спецкласс полностью уничтожен. Оказалось, накануне прибытия какой-то комиссии командование решило скрыть следы воровства, которое велось в части с большим размахом. Списанным имуществом, якобы уничтоженным при взрыве ракеты, нагло торговали. В Куйбышеве был пойман и изобличен некий начальник цеха. А потому командование приказало срочно закопать в степи все, что сохранилось с правого старта и было припрятано для продажи. Никто не стал разбираться в происхождении деталей электроники, и нашу самодельную аппаратуру спецкласса сломали и выбросили заодно…

Я был морально раздавлен…

По рекомендации командира части взял отпуск. В отпуске и сразу после него долго и мучительно размышлял о будущем. Было очевидно, что спецкласс – это самое большое мое техническое достижение. Другой такой случай, вряд ли представится. Остальная работа – это выполнение несложных операций по обслуживанию ракеты. В перспективе – контроль выполнения подобных операций, а в более отдаленной – организация обслуживания в целом. И это все?! Скорее всего, да…

Вывод был очевидным. Армия – основное препятствие на пути к моей цели… И я сделал решительный шаг – подал рапорт об увольнении. С того момента началась моя многолетняя борьба с бездушной бюрократической машиной государства. Куда только ни писал свои просьбы и жалобы – главкому ракетных войск, министру обороны, главе государства – стандартный ответ с отказом получал от одного и того же виртуального лейтенанта Макарова. Все эти годы он так и оставался все в том же скромном звании. И ничего не происходило… Ничего… Это убивало…

Все лето и осень прошли в бесконечных работах с макетом. А зимой вновь вереницей потянулись тоскливые вечера и выходные дни…

И лишь с приходом весны часть зашевелилась. Начались бесконечные смотры и проверки. Но я так и не дождался их завершения – меня направили в МИК для приемки летного изделия. Вскоре ракету вывезли на старт, но вместо подготовки к пуску начались ее доработки прямо на стартовом сооружении. Для меня это мало чем отличалось от привычных работ с макетом. Через полтора месяца таких работ мы уже почти забыли, для чего в конечном итоге вывезли ракету. Казалось, что ее, как и макет, вскоре снимут и увезут в МИК…

Но доработки все же провели, и начались контрольные проверки систем ракеты. Шли недели, а проверки упорно «не шли». «Управленцы» тихо сходили с ума от бесчисленных отказов электроаппаратуры. Но всему приходит конец…

Началась подготовка к пуску. В тот раз мне пришлось устранять неисправность во время заправки ракеты. За двенадцать минут до пуска мы с коллегой и приданным нам для связи радистом последними покинули старт.

Увы… И этот пуск оказался аварийным. Ракета ушла со старта, но через несколько секунд полета развалилась. Зрелище аварийного пуска было впечатляющим. Но это была картина гибели того, что многим из нас уже представлялось почти живым существом, с которым за время работы сроднились и которому сочувствовали. А потому в тот день у многих ракетчиков на душе было тяжело…

В июне семьдесят первого года я женился, что еще больше осложнило мне жизнь. К счастью, жена разделяла мои устремления, иначе с мыслями об увольнении из армии пришлось бы расстаться. Ведь семья – это ответственность не только перед самим собой, но и перед теми, кто тебе дорог.

К удивлению, естественные изменения в личной жизни были восприняты моими родителями «в штыки». Им не понравился мой выбор. Но они не одобряли и моей дружбы с Людочкой, которая была для меня всем. Мне кажется, родителям не подошла бы никакая моя невеста. Но Татьяна уже стала моей женой и ждала нашего ребенка. Тем не менее, наш отпуск был превращен ими в ад. Неожиданно «масла в огонь подлила» Валя, которая появилась в Харькове, когда огонь уже затухал. Теперь же он разгорелся с новой силой. В этот раз Валя предложила мне сбежать с ней в Бердянск, куда она направлялась…

После отпуска выяснилось, что квартиру в Ленинске мы сможем получить только в порядке общей очереди. А пока нам разрешили поселиться в гостинице части, но в платном «элитном» номере. В декабре проводил Таню в аэропорт. Она улетела домой в Москву, а я снова остался один, наедине со своими невеселыми мыслями.

Одиночество скрасил новый сослуживец Саша Дудеев, с которым постепенно сблизился, интуитивно ощущая родство душ.

В январе семьдесят второго года родилась дочь Светлана, а в марте я впервые увидел наше сокровище. Было известно, что жить с ребенком в гостинице части запрещено, поскольку она находилась в опасной зоне. Но в предоставлении квартиры нам окончательно отказали. И я с новой энергией продолжил безнадежную борьбу за увольнение из армии.

Очевидно по команде сверху, ко мне, наконец, проявили интерес спецслужбы и политорганы. Меня стали вызывать в свои кабинеты эти странные люди и информировать, какие кары меня ждут, если буду настаивать на своей вполне законной просьбе…

В разгар лета, оставив Светлану с бабушкой, в командировку приехала Таня. Она оказалась рядом со мной вовремя. Потому что моя бесконечная депрессия постепенно развивалась в болезнь. Но едва вышел из этого состояния, Таня сообщила, что больше не сможет здесь оставаться, поскольку скучает без дочери. Она прервала командировку и уехала домой. Я не очень расстроился, потому что впереди был долгожданный отпуск.

А накануне отъезда Тани мы навестили Сашу Дудеева. Он находился в психиатрическом отделении госпиталя, куда его определило командование полигона после ряда дисциплинарных взысканий. Саша сказал мне, что его, скорее всего, комиссуют по болезни, которой у него разумеется нет. И это, похоже, единственный способ уволить из армии офицера.

Из госпиталя Саша вышел буквально накануне моего отпуска. Его комиссовали, и теперь ему осталось только дождаться приказа и оформить документы. Служба в армии для него окончилась. Саша проводил меня на поезд, и мы расстались с моим армейским другом на несколько лет.

Уже в отпуске, размышляя над словами Саши, придумал способ, как обойти непотопляемого лейтенанта Макарова. Из отпуска вернулся с надеждой…

А в части ждала новость – начало работ с очередным летным изделием. Работы по приемке ракеты уже шли полным ходом. Теперь в нашей команде самым опытным начальником расчета был я. Время в напряженной суете полетело незаметно.

Отшумели пыльные бури осени, похолодало, а ракета все еще была на старте. Проблемы все те же – низкая надежность электроники. Когда же, наконец, с бортовой ЭВМ разобрались, дальнейшая подготовка ракеты к пуску пошла нормально. И снова со старта уезжал последним. Когда мы с Петей Ивановым добрались в район эвакуации боевого расчета, ракета уже была в полете. Визуально полет прошел нормально. Народ ликовал. И лишь по дороге на старт узнали, что и этот пуск оказался неудачным. Обломки ракеты упали в трехстах пятидесяти километрах от старта.

Наступил очередной период бездействия части. А я с нетерпением ждал реакции на письмо Тани на имя Л. И. Брежнева. Увы. Никаких сведений из ЦК КПСС ей больше

не поступало. Случайно узнал, что на запрос ЦК наше командование ответило, что я давно переменил решение, а моя жена просто не в курсе. Я ликовал. Это именно тот шанс, который нельзя упустить. Если командование поймет, что обман может раскрыться, оно постарается избавиться от меня способом, которым избавилось от Дудеева.

Время шло, а никакой реакции не было. Меня же загрузили нарядами, как никогда до того. Постепенно снова впал в состояние глубокой депрессии. Мучили ночные кошмары, которые не давали отдыха в период между бесконечными круглосуточными дежурствами. Мои нервы были на пределе. Почти месяц спал по два-три часа в сутки. Но в этот раз рядом со мной не было никого – ни жены, ни друзей. И в пустые вечера и бессонные ночи я умирал от бесконечной тоски.

И вот стало известно, что на полигон прибыла комиссия ЦК КПСС. Никто не знал цели ее визита. Но в период работы комиссии командование уже не смогло проигнорировать мой очередной рапорт об увольнении – он был зарегистрирован.

Меня снова попытались пугать всевозможными карами, но быстро поняли, что лучше этого не делать. В итоге я, как и Дудеев, оказался в палате психиатрического отделения госпиталя. И даже на той же койке, где полгода назад лежал мой друг.

Через два месяца меня комиссовали. В день, когда выписали из госпиталя, мир улыбался мне яркими красками весны. Но прошел месяц томительного ожидания перемен, а ничего не менялось. Я изнывал от неприкаянности и чувствовал, что еще месяц, и мне снова потребуется помощь психиатров. А приказа об увольнении все не было и не было.

И мне нестерпимо захотелось попасть на место падения ракеты – туда, где находилась почти вся наша команда. Захотелось проститься с товарищами по службе и еще – со своей молодостью, которая, я это чувствовал, уходила от меня вместе с армейской службой.

Это путешествие в центр пустыни едва ни стоило жизни. Волей случая, поисковый отряд, с которым отправился за обломками ракеты, заблудился. Вертолетчики нашли нас на третьи сутки, когда мы, высушенные беспощадным солнцем пустыни, уже умирали от обезвоживания.

Я сбежал из госпиталя, куда нас доставили вертолетами, и с трудом добрался на свою площадку. На следующий день мне сообщили, что приказ подписан. Я уволен из армии… Я добился цели, к которой стремился более трех лет, а радости, как ни странно, не было. Те три дня в пустыне что-то во мне надломили…

И вот за два дня из раскаленного ада среднеазиатской пустыни я переместился в зеленый рай умеренно теплого московского лета…

Я по ветру пущу
Пыль растоптанных дней,
Как на крыльях, домой
Полечу налегке.
Напоенные счастьем
Свободы моей,
Песни новых стихов
Зазвучат по весне.
Нежной зеленью встретят
Родные края —
Я давно уж забыл
Цвет зеленых полей —

Там, в цветущих садах,
Под журчанье ручья
Встречу утро грядущих
Бесхитростных дней.

Всего год назад, сочиняя эти строки, именно так представлял себе мгновение моего освобождения из добровольного рабства. Но все оказалось как-то буднично, не столь романтично, как в стихах. И лишь когда взял на руки и обнял мою маленькую доченьку, сердцем ощутил, что в моей жизни действительно произошли радикальные перемены…

Правда, пока все перемены шли лишь в одну сторону – я стремительно «обнулялся». И вот он пресловутый нуль достигнут… Из документов, удостоверяющих личность, у меня на руках лишь предписание – прибыть в райвоенкомат города Харькова. Весь пакет документов направлен именно туда, а не в Москву, где живет моя семья. Все мое имущество – в моем чемодане. Другого у меня нет. Нет у меня и денег – все, что полагается, мне должны выдать, когда оформлю «гражданские» документы в Харькове. Но неясен вопрос с пропиской. Ведь дома меня ждут, как гостя, а не в качестве лица, претендующего на жилплощадь. А без паспорта с пропиской меня не примут даже на простую работу. И с какой пропиской? С харьковской в Москве не устроиться… Мысли, мысли, мысли…

С этого самого нуля теперь начнется моя новая жизнь. Хотя какая она новая? Столько всего позади… У меня хоть и маленькая, но семья. Совсем недавно, во время краткосрочного отпуска, я перевез ее на новую квартиру… Эту квартиру получила теща – на себя, дочь и внучку… И снова мысли, мысли, мысли…

Но за два дня в Москве я все же кое-что сделал, чтобы, наконец, сдвинуться с нулевой точки. Прежде всего, мы с Таней съездили в Подлипки, где мне удалось разыскать людей, с которыми работал на полигоне, и договориться о работе в центральном конструкторском бюро – ЦКБЭМ. Посетил институт радиоэлектроники и автоматики – МИРЭА, в котором предполагал заочно получить дополнительное образование.

В родном городе ждали перемены. Родители получили квартиру в отдаленном районе города, вовсе мне незнакомом, чужом. Так что мое возвращение домой оказалось мнимым. Впрочем, отныне мой дом должен быть там, где живет моя семья…

В райвоенкомате «обрадовали» тем, что документы придут не ранее, чем через месяц, а пока предложили отдохнуть. Этого мне только ни хватало…

Весь мой второй день в родном городе я провел на кладбище у могилы моей любимой Людочки. Я рассказал ей обо всем, что со мной случилось. Я разговаривал с ней так, словно она была рядом, словно она была живой. Проговорив сам с собой целый день, внезапно реально ощутил перед собой ту страшную бездну, которая навсегда разделила меня с любимой…

Над могилой твоею цветы
Выткали яркий узор.
А я знаю, что это ты,
Смерти наперекор.
Это дыханье твое
В прозрачных алмазах-росинках,
Это твоя красота
В утренней свежести листьев…
Для меня ты – мгновенье и вечность.
Мгновенье наших встреч
И вечность разлуки навсегда…

Этим стихотворением я завершил мою первую повесть, озаглавленную «Odnoklassniki.ru. Неотправленные письма другу» и посвященную светлой памяти Людочки Кучеренко.

В той повести я рассказал о наших детстве и юности, о первой любви, которая стала для нас обоих большой любовью на всю жизнь. Там подробно рассказал обо всем, что здесь, в предисловии, изложил лишь конспективно.

А сейчас перед Вами повесть о моей «гражданской» жизни в удивительной стране, под названием СССР, на излете ее существования.

Глава 1 На нулевой отметке

Я проснулся оттого, что кто-то топтался в дверях комнаты. С трудом открыл глаза. Так и есть, на пороге улыбающийся отец с небольшим подносом в руках.

– Проснулся сынок? – спросил батя, хотя, конечно же, увидел, что не сплю. Впрочем, в таком полумраке, если специально не приглядываться, действительно не разглядеть, – Может, поправим здоровье, сынок?.. Вчера в Мерефу съездил, такой первачок привез… Горит… Градусов на семьдесят потянет, – бодро рассказывал он, пристраивая меж тем свой поднос, на котором обнаружил маленький графинчик, пару рюмочек и несколько кусочков черного хлеба с настоящим украинским салом.

Да-а-а… Мерефянский самогон это вещь. Харьковские казаки большие спецы по этой части. Помню, как мы с отцом навестили его друга – дядю Ваню Запорожца. Тогда еле-еле уехали из той Мерефы аж на третьи сутки. Выпитого самогона на месяц бы хватило, а там, на свежем воздухе, да при отличной закуске… Нет слов… И еще поразило, что казаки пили не рюмками, а гранеными стаканами, и не пьянели. Лишь хорошо набравшись, валились сразу. Пили все, включая старушек и даже малолетних детей. Детям, правда, не наливали, а делали «тюрю» – крошили в мисочку белого хлебушка и поливали самогоном и медом. Пятилетняя дочка дяди Вани, отведав такой тюри, быстро и без обычного скандала уже через полчаса отправилась спать… Да и сало в Мерефе умеют делать… Великолепное сало… Ну, а харьковский черный хлеб – это особый разговор. Помню, как мама Саши Бондаря попросила, чтобы он всякий раз, приезжая на каникулы в Бердянск, привозил в качестве подарка буханки три харьковского черного хлеба…

– Привет, батя, – поприветствовал отца, – Не откажусь за компанию. А что так темно? Может, откроем окошко? – потянулся я к плотным оконным занавескам.

– Что ты, сынок! Лучше свет включим, если темно, – вдруг всполошился тот.

– Что за маскировка? – не понял я.

– Да этот дурацкий первый этаж. Такой неудобный. На старой квартире проблем не было. А здесь мать даже хотела решетки на окна установить. Так я сразу отбой дал. Мне в тюрьме эти решетки глаза намозолили, а тут еще дома за решеткой… А вот занавески приходится закрывать. Кто ни пройдет, обязательно заглянет. И что за привычки у людей, – возмущался отец.

– Чем это вы там занимаетесь? – заглянул к нам Сашка, средний брат, – Привет, Толик. Понятно. Лечишься после вчерашнего, – тут же определился он, закуривая меж тем сигарету.

– Привет, Санька… Ты что курить здесь собрался? – удивился я.

– Да я потихоньку. Ладно, батя, наливай. А то мы что-то много говорим. А Толик страдает.

– С чего ты взял, что страдаю? – возразил ему.

– Да ты вчера пришел на себя не похожий. Одежда, будто где-то валялся. Как пришел, так и лег… Все признаки, – выложил свои наблюдения Сашка.

Я не стал спорить, разубеждать. Пусть лучше думают, что действительно выпил с кем-то из друзей. Вряд ли поймут, если расскажу, что целый день пробыл на кладбище у могилы Людочки… И промок под проливным дождичком, и высох под теплым солнышком… И за целый день ни крошки, ни капельки во рту… А когда домой пришел, тут же лег и уснул. Слишком переволновался в тот нелегкий день, да и не хотелось, чтобы расспрашивали. Никого не видел с утра, никого не захотел видеть и вечером. Весь день посвятил самому дорогому человеку – моей любимой Людочке…

Едва выпили по первой, заглянул младший брат Володя. От выпивки отказался, но вскоре, к моему ужасу некурящего, обнаружил, что в небольшой комнатушке курят уже трое. Какой кошмар! Выставил всех из помещения, открыл занавески и форточку. Не знаю и не хочу знать ваших порядков. Душегубка, а ни комната. При ярком свете дня обнаружил, что белые тюлевые занавески пожелтели от никотина. Ну и ну!

Заправив по армейской привычке кровать, пошел умыться. Боже мой! Из двери кухни в коридор валили густые клубы табачного дыма. Оказалось, вся троица уже обкуривала там бедную маму и, как оказалось, не только ее. И на кухне все светлые занавески тоже пропитаны никотином. Сколько же лошадок накрылось бы от таких доз, а этим все нипочем. Тут же выгнал бестолковую троицу за двери, на лестничную клетку. Поворчали, но гостя послушались.

На кухне мама готовила завтрак, а Тамара, жена Сашки, в такой жуткой атмосфере кормила годовалого племянника Сережу. Не обращая внимания на всеобщее возмущение, я и здесь открыл весь набор занавесок и форточку. Понятно теперь, почему мама постоянно кашляет. Типичный пассивный курильщик. Скоро и Тамара закашляет, а там и Сережа, как и его непутевый отец, лет с семи задымит вместе с мужским коллективом.

Умывшись, прошел в «большую» комнату. Там уже накрывали стол. Ну и квартирка… Называется, улучшили жилищные условия. Старая квартира на втором этаже нашего двухэтажного домика дореволюционной постройки, и та была больше, да и гораздо удобней, хотя и без туалета и, разумеется, без ванной.

Собственно, квартиры там, как таковой не было. Когда нас переселили из лагеря военнопленных, отцу выделили ее как комнату в коммуналке. Просторная, с высокими потолками, она размахнулась на 35 квадратных метров. Ее перегородили деревянной перегородкой, получив две комнатушки и небольшой уголок у печки. Был еще и чуланчик – типичная девятиметровка, но без окон.

Топили в основном углем. Запасы дров и угля хранили в сарайчике, расположенном во дворе. Во дворе размещались и «удобства» – в большом кирпичном сарае. В детстве поход в туалет был для нас, детей, пыткой. Причем не только зимой, но и летом. Там жили гигантские крысы, которые никого и ничего не боялись. Они копошились в громадной куче бытовых отходов, которые сносили жители близлежащих домиков. Поговаривали, что крысы нападали на детей. Так ли это, не знаю, но без палки мы, дети, да и женщины тоже, в туалет не входили. Дежурная палка всегда стояла у входа.

Воду для всех нужд брали все в том же надворном туалете, где была единственная на всю округу раковина с водопроводным краном. Ее носили оттуда, как в деревне – ведрами на коромыслах. Лишь года через два прямо в наш чуланчик провели водопровод.

Купаться ходили в баню, которая располагалась довольно далеко – за городком общежитий «Гигант». Странное название этой бани – «Лазня», в детстве очень веселило, пока ни узнал, что по-украински это слово, собственно, и означает «баня». А рядом была еще более забавная вывеска «Перукарня», хотя там ничего не выпекали, там была парикмахерская. А дальше – совсем непонятное «Пико. Плисе. Гофре» и «Панчохи та шкарпетки». По подобным вывескам я и учился читать, а заодно осваивал украинский язык.

Когда мне было лет десять, дом газифицировали. Большую печь сломали, а на ее месте появилась компактная газовая. Уголок у печки разгородили, а в громадной общей прихожей установили необычные газовые плиты, заменившие привычные керосинки и керогазы. Вскоре, по всеобщему согласию, прихожую перегородили, и получились три небольшие кухоньки. Самая удобная оказалась у нас. Она единственная вышла не проходной, как у соседей, и стала только нашей кухней-прихожей. Благодаря этой самодеятельной перестройке, в каких-то документах, составленных комиссией по инвентаризации, все это безобразие почему-то обозвали

трехкомнатной изолированной квартирой, а потому отца долго не ставили в очередь на улучшение жилищных условий.

И вот их, наконец, «улучшили», как оказалось, всего на один квадратный метр. По проекту новая квартира значилась двухкомнатной, площадью 36 квадратных метров. Но «умельцы» быстренько установили дебильную кирпичную перегородку, разделив большую комнату на две маленькие – восьмиметровку и шестнадцатиметровку. Заодно разделили пополам и единственное большое окно, выходящее на лоджию, отчего обе комнаты стали темными. Даже днем в них наблюдался устойчивый полумрак, усугубляемый постоянно закрытыми занавесками.

– Батя, как же ты, следователь, допустил, что тебя так бессовестно нагрели с этой квартирой? – спросил отца, едва сели за стол.

– Что нагрели, то нагрели. В ордере они ее записали трехкомнатной, а общую площадь вписали в графу «Жилая». Когда уличил, начальник тюрьмы сказал по-простому: «Ты, Афанасий, уже пенсионер. Не хочешь, не бери. Желающие найдутся, а ты снова будешь лет десять первым на очереди, пока еще один дом ни построим… А там, глядишь, она тебе вообще не понадобится»… Так-то… Грубо, но доходчиво… А когда ему сказал, что в ордер почему-то не включили невестку с внуком, рассмеялся. Вот тебе и выход, говорит, думай… Так что неизвестно, сынок, кто кого нагрел. Вот я и подумал. Пусть Сашка с Тамарой и Сережей там остаются. А тут ты еще появился. На троих нам эту квартиру могут и не оставить, а на четверых обязаны.

– Батя, я в Москве буду жить. Там теперь моя семья. Вот оформлю документы и поеду, – невольно сообщил всем о своих планах. За столом наступила гнетущая тишина…

– А ты с нами посоветовался, прежде чем принимать такое решение? – тут же взорвалась мама.

– Мама, ты меня удивляешь. Вы сами определили меня в военное училище. Оттуда, тоже меня не спросив, направили служить в Казахстан. Если бы остался в армии, все время службы прожил бы в Ленинске. Таких там полно, кто еще с основания города живет. И лишь лет в сорок пять вырвался бы оттуда. Да еще неизвестно, где бы мне предоставили жилье. Одному подполковнику, нашему земляку, обещают квартиру аж в Чирчике. А он уже эту Азию на дух не переносит.

– Ты бы все равно в Харьков приехал, как сейчас, – продолжила гнуть свою линию мама.

– Я не знаю, что с нами будет через семнадцать лет. Да мне это уже не интересно. Я уволен из армии, и сейчас никто. Фактически на нулевой отметке, как у нас говорили в части. Самое время подумать, как жить дальше. Вот я и думаю. В Москве масса предприятий по моему профилю, а в Харькове – всего одно, и то не по моей специальности. Да и моя семья живет в Москве.

– Работать можно, где угодно, – все еще пыталась спорить мать. Отец же, похоже, все понял и теперь сидел, нахмурившись и не ввязываясь в разговор, – А эта твоя семья еще неизвестно, примет ли тебя на свою жилплощадь… Тебе не стыдно примаком быть? Ты еще не знаешь, что такое с тещами и свекровями жить, – продолжала она агитировать и запугивать.

– Мама, я не хочу работать, где угодно. Мне хочется работать в конструкторском бюро. Мне нравится именно такая работа… В Москве уже договорился обо всем. Меня берут старшим инженером в наше Центральное конструкторское бюро. Можно сказать, по блату, потому что знают много лет по работе… Был я и в институте радиоэлектроники. Там готовы принять сразу на четвертый курс на вечернее отделение… Ну а про все остальное и говорить не хочется. Не примут на жилплощадь, буду думать, что делать. Знаю только, будет работа, будет и жилье.

– Ладно, давайте завтракать, а то все стынет, – прервал наш спор отец. Я облегченно вздохнул. Первое сражение, похоже, выиграл. Но, увы, вряд ли оно последнее, и сколько их

еще предстоит, пока буду «отдыхать» в Харькове, не знаю. Но, думаю, немало. Мама у нас человек упорный…

После завтрака решил съездить на старую квартиру. Там прошли мои детство и юность. Там осталось все из прежней жизни… А здесь – как в гостях. Лишь изредка на глаза попадется то один, то другой предмет, напоминающий о прошлом. Даже мебель и та другая. Ею мама уже похвалилась еще в день приезда. На нее, оказывается, копили деньги, которые им отсылал. Года три назад записались в очередь, а она до сих пор не подошла. Все решилось проще – у отца впервые в его долгой жизни появился «блат» в мебельном магазине. Оказалось, грузчиком там работает его бывший сослуживец по лагерю военнопленных. Он-то и организовал отцу контакт с мебельными спекулянтами, а потом сам отобрал мебель прямо на складе и доставил на новую квартиру.

Едва заявил о своем желании, тут же захотели ехать все, включая Тамару с младенцем. Ехать таким табором совсем не хотелось, но выбора не было.

И вот мы уже громыхаем ступенями открытой железной лестницы, ведущей на второй этаж родного дома. Я не был здесь целых два года. На веранде тепло встретила наша соседка тетя Дуся – интеллигентная женщина, бывшая балерина. Сколько ее помню, она нигде не работала. Нас это немножко удивляло, потому что детей у нее не было, и ей не за кем было ухаживать. Однажды она пригласила меня с братом в свою комнату и угостила пирожными. Ничего подобного мы еще не пробовали. Но больше, чем пирожные, удивили развешанные по стенам комнаты старые театральные афиши. На некоторых была изображена молодая тетя Дуся в балетной пачке. Тогда-то мы поняли, кем в молодости была наша соседка. Тогда же узнали, что балерины очень рано выходят на пенсию.

Пока мама разговаривала с соседкой, а остальное сопровождение неспешно втягивалось в квартиру, немного постоял на своем любимом месте веранды. Как всегда, нахлынули воспоминания…

Помню, как вся троица наших давних «врагов» во главе с Толиком по кличке Фриц загнала меня с братом сюда – на эту веранду. Не решаясь преследовать на пороге квартиры, ребята начали бросать в нас камни. Они до нас не долетали и лишь грохотали по железной лестнице, а мы в ответ дразнили Фрица и смеялись над ним. Он и его друзья уже пошли в первый класс, а мы с братом были дошкольниками. И нам было весело оттого, что такой большой не может добросить камень до второго этажа. У меня это давно получалось. Его товарищи уже отошли от лестницы, а Фриц все еще не унимался.

И вдруг увидел, что кусок кирпича, брошенный Фрицем, не отскочил от железа, а, скользя вдоль ступени, на мгновение как бы задержался на лестнице. Недолго думая, остановил эту почти четвертушку кирпича ногой. Теперь я был вооружен. Фриц это понял и тут же отбежал подальше от лестницы. Но я уже метнул свой снаряд. Как в замедленных кадрах кинохроники и сейчас вижу тот красный камень, который, отскочив от асфальта, какими-то замысловатыми прыжками приближается к противнику. Он же, оторопев от ужаса, смотрит на скачущий к нему увесистый предмет и почему-то не может сдвинуться с места. Наконец камень с силой ударяет его прямо в щиколотку. Фриц приседает от боли и оглашает весь двор громким ревом… Нам его не жалко – получил по заслугам. Мы торжествуем победу…

После того случая он нас больше не трогал, и одно время мы даже ненадолго подружились. И вот мы стоим втроем на этом же месте веранды и во весь голос распеваем странную песню. Я запомнил только припев.

Ице русин прахом пидэ,
Кегда захоцемо!

Откуда она взялась, та песня, не знаю. Я почти не понимал ее смысла, потому что она была на незнакомом языке. Неожиданно у крыльца остановилась хорошо одетая дама.

– Мальчики, – обратилась она к нам, – Вы хоть понимаете, что поете?

– А як же, – ответил ей почему-то по-украински.

– Та вы що, ляхи скажэнни? – спросила она, пристально присматриваясь, – Йды-но сюды, хлопче, – обратилась она ко мне, даже не дождавшись нашего ответа. Мы спустились к ней втроем. А она очень внимательно вглядывалась то в меня, то в Толика Фрица. Мы не знали, что подумать.

– Я живу вон в том доме. Пойдемте ко мне, мальчики. Заодно и познакомимся. Я вас чаем с конфетами угощу, – неожиданно предложила она.

Взрослая тетя захотела с нами познакомиться. Это было удивительно. Кто же откажется от чая с конфетами осенью пятьдесят первого года, когда и хлеб был не всегда. Но что ей от нас надо? Посовещавшись, все-таки согласились, но Сашку оставили на веранде. Пусть видит, куда пойдем. А конфет ему пообещали принести.

И вот мы оказались в просторной, почти пустой и очень светлой комнате. Свет шел не только из огромных окон, но и откуда-то сверху. Посреди помещения стояло странное сооружение. А когда женщина сняла с него покрывало, увидели гигантскую картину. На ней был изображен товарищ Сталин. Он сидел за большим письменным столом, а вокруг него в разных позах расположились дети. Некоторые уже выглядели, как живые, а другие были еще только намечены углем. Пока разглядывали картину, женщина принесла чай и коробку шоколадных конфет. Таких мы еще не видели. В лагере меня угощали шоколадом, но он был в плитках. Уже здесь мама иногда покупала нам конфеты-подушечки. А это было нечто особенное. Я скромно взял две конфетки – для себя и для Сашки. Толик, глядя на меня, тоже взял две. Но оказалось, они быстро тают в руках. Женщина рассмеялась.

– Не стесняйтесь, мальчики. Берите, сколько хотите, но по одной. А что останется, возьмете потом с собой, прямо в коробке… Ну, так кто тут из вас поляк? – спросила она. Мы молчали, – А почему поете по-польски?

Мы продолжали смущенно молчать. А женщина продолжила допрос.

– Какие языки знаете кроме русского и украинского?

– Ихь фэрштэе унд шпрэхе дойч, – ответил ей, как сказал бы немцам.

– Надо же! – вдруг удивленно и радостно воскликнула она, – Так ты немец, а не поляк?

– Я не немец и не поляк, – ответил странной тете, не понимая, что ее так обрадовало.

– Странно, – неожиданно расстроилась женщина, – Мальчики, вы оба очень похожи на немецких детей. Я художница. И мне надо нарисовать немецкого пионера. Мне бы повезло, если бы кто-то из вас оказался настоящим немцем. Я бы его нарисовала на этой картине рядом с товарищем Сталиным, – наконец разъяснила свой интерес к нам художница.

– У меня папа настоящий немец. Его звали Адольф. А мама русская, – вдруг тихо сказал Толик Фриц. По всему чувствовалось, что сказал правду. И я внезапно понял, откуда у него такая странная, оскорбительная по тому послевоенному времени, кличка.

– Он правду сказал, тетя, – поддержал товарища, хотя и догадался, кого она теперь будет рисовать рядом с вождем, – Его потому все Фрицем зовут.

– Правда? – снова обрадовалась художница. Толик только кивнул низко опущенной головой.

А вскоре Фрица переодели в голубую рубашку и даже повязали красный галстук, хотя он и не был пионером. Его посадили рядом с картиной, и художница начала рисовать. Я впервые увидел, как рисуют картины…

Несколько дней подряд мы приходили к художнице. Каждый раз она угощала нас чаем с шоколадными конфетами. И постепенно на картине рядом с товарищем Сталиным, совсем как живой, возник Толик Фриц, только не в красном, а в синем галстуке немецкого пионера…

И снова я стою на своем привычном месте… А мимо проходит первая осень моей несчастной любви. Моросит мелкий дождик, и душа плачет из солидарности. Природа тихо умирает вместе с надеждой на счастье быть рядом с любимой. Весь двор засыпан желтыми листьями цвета разлуки. А откуда-то с верхнего этажа дома напротив доносится негромкая душераздирающая песня – чья-то непреходящая боль.

Шпав жувтэ калэндажэ,
Жувтэ калэндажэ шпав…

Что ж, только и остается – сжечь желтый календарь навсегда ушедшей жизни. А что дальше?.. «Я никогда тебя не забуду, Людочка», – вдруг как заклинание повторяю про себя фразу, с которой плакал в детстве. А сейчас она всплыла в памяти и, похоже, поселилась там навечно, как и бесконечная любовь к моей миленькой подружке, которая неожиданно стала недоступной, чужой…

А вот и она – моя богиня. Легкой походкой она неслышно проплывает над ковровой дорожкой из осенних листьев. Ее гордо поднятая красивая головка так и не качнется в сторону моего приюта, обрекая на вечное одиночество. Она скользнула как легкий ветерок, не возмутив природу, но всколыхнув океан безнадежно любящей души…

Резкий взмах руки и самодельный кинжал глубоко вонзается в древесину подоконника веранды. Вспышка бессильной ярости, обращенная в молнию разящей стали, поглощена рассеченными волокнами мертвой материи… Смерть поглощает все… Чья смерть?..

Людочка – это моя жизнь. Людочка – это подарок судьбы, вечную жизнь сулящий… Людочка – это моя память о первом, еще неизведанном волнении сердца. Людочка – это моя любовь НАВСЕГДА… Живи, любимая. Живи радостно и счастливо. А я буду тихо стоять в сторонке, как сейчас, и любоваться твоей неземной красотой, чувствуя каждый твой вздох, каждый удар твоего сердца, словно ты это я – недоступная половинка моей бессмертной души…

«НАВСЕГДА» – это слово я вырезал кинжалом на подоконнике веранды в тот дождливый, но еще теплый осенний вечер…

– Паскудник! – взорвалась тишина воплем дяди Коли Василенко, мужа тети Дуси, – Я красил подоконник, старался, а ты его ножом, – возмущался главный умелец нашей коммуналки.

Неожиданно он крепко взял мою правую руку так, что ощутил ее, словно в стальных тисках, не спеша, повернул к себе, поднес почти к лицу и стал с интересом разглядывать кинжал.

– Чья работа? – спросил МАСТЕР – лучший слесарь автодорожного института, собравший своими руками несколько автомобилей, установивших мировые рекорды.

– Моя, – опасливо ответил ему, понимая, что меня уличили не столько в порче подоконника, сколько в более серьезном преступлении – хранении холодного оружия. Дядя Коля спокойно вынул кинжал из моей руки, обессиленной его мощным «капканом», и продолжил внимательно осматривать мое произведение.

– Хорошая работа, – наконец заключил он, возвращая кинжал, – Где научился? – спросил, с интересом разглядывая меня. Мы с братьями с детства побаивались дядю Колю. Он был суровым неразговорчивым человеком и любил, мне кажется, только железо и хорошую работу по обработке этого самого железа. Людей он ценил лишь по их отношению к предмету его обожания – железу.

– Основам – в школе. На уроках труда. А особенностям – в кружке авиамоделистов при Дворце Пионеров, – ответил ему, пряча оружие. Кажется, пронесло.

– Хорошая школа, – снова похвалил дядя Коля, но уже явно не меня, – А что на подоконнике нацарапал? – взглянул он на подоконник, – Хорошо, не ругательство. Возьми у меня кисть и краску. Закрась без шпаклевки. Пусть останется. Сделана от души.

Два года назад эта надпись, сделанная осенью шестьдесят первого года, еще была. А сейчас от нее осталась лишь буква «Н»… И нет на свете моей любимой Людочки. Вот уже больше шести лет… Смерть поглотила все…

Так ли это?.. «НЕТ… НЕТ… НЕТ», – кричит страдающая душа… Людочка – это моя любовь НАВСЕГДА… Людочка – это моя невеста НАВСЕГДА… Живи, любимая. Живи в моей памяти и в моих мыслях. Живи, пока я жив…

– Ты где застрял, сынок? – отвлек от воспоминаний отец, – Мы тебя заждались.

И я, наконец, прошел через кухню тети Дуси и проходную кухню Абрамовых в нашу кухню-прихожую. Здесь ничего не изменилось за два года. А дальше?..

Дальше ощущение жилого помещения исчезло… Нет. Письменный стол отца, сделанный еще немецкими пленными, на месте, но в каком виде… Около него два немецких стула. И это вся обстановка комнаты…

В большой комнате стоит наш разваленный старенький диван. Года три я спал на этом диване, когда он был совсем новым. А вот и никелированная кровать с панцирной сеткой. Сколько же ей лет? Трудно сказать, но я помню ее еще по лагерю. А над кроватью на стене висит все тот же старинный репродуктор военной поры. Как ни странно, еще работает. Оттуда несется бодренькая музыка.

Я подошел к окошку в маленькой комнате и взглянул на вход в общежитие «Гигант». Сердце, как всегда, екнуло. Там все без изменений, лишь деревья подросли, да не стало клумб и лужаек напротив здания. Все пространство безжалостно вытоптано стадами бесконечной череды студентов, снующих туда-сюда, не разбирая дорог.

Больше здесь смотреть не на что. Нужен хороший ремонт. Сказал об этом Саньке с Тамарой. Восприняли без энтузиазма. Похоже, эта квартира больше не интересует никого. Странно…

Уже на выходе встретили Моисея Марковича – брата нашего соседа Михаила Марковича Абрамова. Оба брата преподавали математику в автодорожном институте. В мои юные годы Михаил Маркович был палочкой-выручалочкой. Едва возникал дефицит времени, я тут же подключал его к решению задачки, которая у меня не выходила сходу. Выдав задание, уносился к моим моделям или на тренировку, а когда возвращался, готовое решение уже лежало на нашем с отцом письменном столе, и я бежал благодарить профессора. Он лишь смеялся.

– Да ты сам такую задачку в два счета решишь. У тебя математический склад ума. Я-то вижу, – частенько говорил он.

– Михаил Маркович, если бы у меня были эти самые два счета. А то только один. Подумать чуть-чуть – времени не хватает, – оправдывался, как мог.

– Ты прав. В молодости времени всегда не хватает, – грустно вздыхал он.

Я застал его уже пожилым человеком. Он умер, когда я еще учился в школе. Но он был первым уважаемым мной ученым человеком, кто сообщил мне о каких-то там моих способностях. Вторым стал наш математик Яков Яковлевич Корф – «Я в квадрате», как его называли в школе. Это его своевременное признание спасло меня в период глубокой депрессии, которую переживал осенью шестьдесят первого года – в выпускном десятом классе. Именно он вытащил тогда из трясины уныния, в которую погружался все глубже и глубже…

Нет уже и Нины Васильевны – жены Михаила Марковича. То была удивительная женщина, увы, плохая домохозяйка. Ее можно было слушать часами. Ее познания о мире театра и кино были энциклопедическими. Увы, единственными личными достижениями стали дочь Вера и сын Марик. В них она вложила свою душу и нерастраченную энергию. Конечно же, кое-что перепадало и Михаилу Марковичу.

Моисей Маркович часто навещал семью брата. Особенно, когда Михаил Маркович отошел от дел. Моисей Маркович подхватил эстафету из рук брата – стал профессором, заведующим кафедрой. К нему я обращался гораздо реже – лишь, когда действительно требовалась профессиональная консультация. Но это уже было в период моей математической подготовки в университете…

Мы вышли в наш дворик. Он вроде бы остался тем же, то есть, очерченным теми же зданиями и сооружениями. Увы, это уже не тот двор нашего детства, который снится. Наш каштан стал еще солидней. Но величавые гигантские тополя, засыпавшие пухом весь двор, уже лишены своей мощной кроны. Безжалостно кастрированные, они превратились в уродливых карликов – в приземистые толстые столбы, покрытые небольшими шапочками неправдоподобно крупных листьев.

А собственно двор… Теперь это лишь территория. Нет клумб, нет газонов. Нет столов с лавочками и вечными доминошниками и картежниками. Все утрамбовано, голо, мертво…

– Азохен вей, Майор, – раздался знакомый голосок бабушки Кукли. Боже мой! Она еще жива! Сколько же ей лет – этой бодренькой старушонке, часто отбиравшей наш мяч, едва он отлетал в сторону ее палисадника? Мне кажется, не меньше ста.

– Азохен вей, бабушка Кукля. Здравствуйте, дядя Майор, – поприветствовал соседку и ее зятя, удивительное имя которого в детстве принял за звание, и долго думал, что тот служит в армии или, скорее всего, в милиции, потому что совсем не ходит в военной форме.

– Толик! – мгновенно узнала она, – Как ты вырос! Ты не уехал в Китай? Как там, в Китае? – забросала своими традиционными вопросами.

Почему она решила, что я должен был уехать в Китай, не знаю. Но всякий раз, когда приходил в увольнение из казармы, или позже приезжал в отпуск, непременно расспрашивала меня о моих делах в Китае. Старость не радость. Я обнял ее и утешил: «В Китае хорошо». Она радостно закивала головой…

Вечером во время семейного ужина предложил сделать ремонт квартиры своими силами. Опыт ремонтных работ у меня уже был. Да и время моего вынужденного безделья пройдет не в пустых разговорах о моем будущем «на гражданке», а в реальной работе с пользой для всех.

А моей маленькой тайной было желание побыть одному в родном доме, где прошли детство и юность и где даже стены хранят память о прошлой жизни – о времени, когда, несмотря ни на что, было так хорошо…

Как ни странно, моя инициатива не нашла поддержки семьи. Даже мама высказалась против ремонта старой квартиры.

– Тут в этой квартире дел столько, что за год не переделаешь. Если хочешь, можешь хоть завтра начинать. Прямо с ванной. Там горячая вода течет. Целый бак натекает за час. Не выльешь вовремя – зальет. То же на кухне. Вот тебе и новая квартира, – тут же озадачила мама. Что ж, завтра и начну, решил я…

С утра встал рано, когда все еще спали. Дефект оказался сложным. И я отправился в ЖЭК. К моему удивлению, заявку попросту не приняли, хотя были обязаны. Причина отказа рассмешила – на складе нет именно этой детали. Тут же поступило традиционное предложение – договориться с сантехниками.

«Аварийную работу» сделают вне очереди. Какое счастье!.. Меня подвели к мастеру, у которого «случайно оказалась своя деталь». Да-а-а… Жизнь на гражданке имеет свои особенности, но, похоже, такая же паскудная, как и в армии…

– Трояк за деталь, пятерка за работу. Идет? – определил цену вопроса мастер.

– Идет, – ответил ему, прекрасно понимая, что по заявке всю эту работу должны сделать немедленно и бесплатно. Но приключения не кончились. Минут через пять снова подошел мастер.

– Знаешь, мы втроем будем работать, а то я не помню, где у вас там горячую воду перекрывать.

– Хоть впятером. Мне, какое дело.

– Как какое? Трояк за деталь, да по пятерке на нос. Идет?

– Хорошо устроились, ребята. За такие деньги я и сам сделаю… А потом вами займусь, козлы вонючие…

– Ну, давай-давай… А ключик-то от подвала у нас! – злобно проорал «мастер». Но я уже вышел из гнусного заведения по имени «ЖЭК». А вслед понеслась нецензурная брань оскорбленной троицы, оставшейся без «халтуры». Удивило, что проглотили оскорбление и не выскочили вслед за мной. А жаль…

В третьем по счету магазине «Сантехника» подходящая деталь нашлась. За полтора рубля купил целых две – так, на всякий случай.

Оставалось придумать, как не свариться в потоке горячей воды, меняя деталь «под напором». Годы работы с ракетой не прошли даром. Досконально продумав детали операции и подготовившись, мы с братом, страховавшим меня, за тридцать секунд устранили дефект. Окативший нас обоих душ навредить не успел. К счастью, это оказалась самая сложная ремонтная работа в квартире…

За две недели я переделал все, что было намечено в мамином списке «Работа для Толика». Все те дни ни разу не выходил из квартиры. И мне, наконец, предложили передохнуть и съездить в наш садик, расположенный на окраине города. Там был небольшой домик, который мы построили вдвоем с дядей Ваней – мужем маминой сестры. Весь сад тогда посадили в один год лет десять назад, а потому там было чем полакомиться.

Но мне и там нашлась работа. По аналогичному маминому списку «Работа в саду для Толика» успел привести в порядок весь садовый инвентарь, пока остальные собирали ягоды. Мимоходом отметил, что фундамент домика все же, как и предполагал, оказался слабоватым. Тогда мы с дядей очень спешили, а потому сделали его из тех материалов, которые были. И мама тут же пополнила свой заметно похудевший список. Да-а-а… Мужиков много, а мужчин, похоже, в семье нет…

Вечером напомнил о своем предложении двухнедельной давности. И снова меня не поддержали. Странно… Оба брата работали художниками во Дворце студентов «Гигант» и ежедневно тратили по три часа на дорогу. Понял лишь Тамару – в новой квартире ей, конечно же, жилось проще. Но и там у нас всегда под рукой была горячая вода – в баке на газовой плите. Странно…

Съездил в военкомат. Мои документы все еще не пришли и придут не раньше, чем через месяц. Еще месяц «на нуле». Бред какой-то…

Дома объявил, что уезжаю в Москву. Там тоже дел хватит.

Сработало. Наутро родители сообщили, что мое предложение принято, и я могу хоть сейчас приступать к работе. Тут же взял ключи и поехал на рекогносцировку. Жаль, что сообщили поздно – поехал бы с братьями. Но, трясясь в переполненном транспорте, представил, что же творится в утренние «часы пик».

Для начала пошел во Дворец студентов навестить братьев на рабочем месте. Мастерская художников оказалась примитивным подвалом, заваленным хламом. Оказалось, это не хлам, а «расходный материал». Братья вытаскивали подходящих размеров подрамники, смывали старые рисунки и по эскизам делали новые. Работа кипела. Сновали какие-то личности, выдающие указания и очередные эскизы. Понял, что пора убираться.

Подходя к дому, на лавочке, что у «асфальта», увидел Милочку Полонскую с детской коляской… «Асфальтом» у нас называли асфальтированную крышу заглубленной трансформаторной подстанции, расположенной по соседству с надворным туалетом. Крыша возвышалась над землей больше, чем на метр, но рядом всегда была лавочка, с которой мы, местная мелюзга, легко попадали на асфальт. Во что только здесь ни играли. Поблизости не было окон, которые можно нечаянно разбить мячом. Девочки рисовали свои квадратики и прыгали. В общем, все были при деле. Но самой интересной забавой были прыжки на металлический люк-вход в помещение станции. Когда все прыгали друг за другом несколько минут подряд, грохот стоял неимоверный. И никто нас не останавливал, потому что здесь мы никому не мешали…

Милочка Полонская… Помню, как много лет назад в нашей квартире возник переполох. Сначала вошла мама с тетей Ноной – нашей соседкой с первого этажа. Тетя Нона держала какой-то сверток, который все долго не знали, куда пристроить. Наконец его положили прямо на папин письменный стол и развернули. К моему удивлению, в свертке оказалась маленькая девочка. Это и была Милочка. Потом вошла мама тети Ноны – Мария Григорьевна.

Пока взрослые куда-то ушли, я смотрел на девочку. Вдруг она открыла глазки и посмотрела на меня. Потом смешно сморщилась и начала тихонько хныкать.

– Мама-мама! – закричал я, – Скорей все сюда! Девочка смотрит и плачет!

– Что ты так кричишь? – спросила тут же возникшая тетя Нона, – Мы уже идем. А девочку зовут Милочка, – сообщила она имя девочки.

– Мама-мама, – обратился уже потихоньку к матери, – Значит, ее зовут Людочка-Милочка?

– Да. Я тебе уже говорила, – почему-то сердито ответила мама.

Вскоре посреди комнаты на двух немецких стульях поставили корыто и налили в него теплую воду. Потом меня выставили в другую комнату. А так хотелось посмотреть, как будут купать маленькую девочку. Я сидел в большой комнате и слышал голос матери.

– Какая прелесть. Куколка… Даже фигурка совсем другая… Что значит девочка… А у меня эти мальчишки… Так хочется девочку, – причитала мама сквозь плеск воды. Я и не догадывался, что через три месяца у меня появится младший братик. И мама снова будет огорчена, в этот раз – на всю оставшуюся жизнь. А тогда вдруг стало так обидно. Значит, мама нас с Сашкой совсем не любит, раз хочет девочку. И мне захотелось плакать.

Но тут Милочку принесли в большую комнату и положили в мою кроватку. Этого только ни хватало. Похоже, мама хочет обменять нас с Сашкой на эту противную девчонку. И я горько заплакал от обиды.

– Что случилось? – удивленно спросила мама.

– Мама, а где я буду спать? Я же не помещусь с этой противной девчонкой.

Взрослые вдруг рассмеялись. Мне же было не до смеха.

– Успокойся, сынок. Милочка поспит немножко. А потом мама возьмет ее домой. У нее есть своя кроватка. Что ты так расстроился? – успокаивала мама.

– А что она у нас делает? Пусть сейчас же идет домой.

– Она у нас в гостях. Ее маме и бабушке надо уйти. Вот Милочка у нас пока побудет. А они вернутся и возьмут ее домой.

– А ты не отдашь им меня с Сашкой вместо Милочки?

– Глупенький, разве я вас отдам кому-нибудь, – успокоила меня, наконец, мама.

Вечером Милочку действительно забрали. И я успокоился окончательно. Но на следующий день все повторилось. А дня через три уже нисколько не боялся, что нас обменяют. И мне даже понравилась Милочка, потому что она так хорошо спала в моей кроватке, что впервые захотелось, чтобы у меня вдруг появилась такая сестричка, только постарше, чтобы с ней можно было играть…

И тут я вспомнил о настоящей Людочке-Милочке, которая была Людочкой, а не Милочкой. Именно с того момента захотелось, чтобы Людочка непостижимым образом вдруг стала мне сестричкой и переселилась к нам. Только ей я готов уступить свою кроватку насовсем. Только ей отдал бы все свои игрушки. Только для нее готов сделать все, что попросит.

И действительно, вскоре большая часть моих игрушек, привезенных из немецкого лагеря, перекочевала к Людочке…

А Милочка росла, росла и вот она передо мной – молодая мама такой же крошки, какой помню Милочку…

Но едва направился к Милочке, вышла тетя Нона, и женщины куда-то спешно удалились, толкая перед собой коляску. Маму Милочки узнал сразу, несмотря на то, что она сильно изменилась. Я увидел в ней Марию Григорьевну, но в том ее возрасте, когда они приносили к нам в гости маленькую Милочку.

Я перешел мостовую, вошел во двор и сел на опустевшую лавочку. Да-а-а… Нет уже Марии Григорьевны, нет ее импозантного мужа, нет половины жителей нашего старенького дома, кого, так или иначе, сохранила память. Смерть поглотила всех…

А ведь когда-то кипела их жизнь. Мы были маленькими, а они – кто молодыми, кто пожилыми, но они были до нас и какое-то время жили вместе с нами…

Вот здесь, прямо напротив этой лавочки однажды надолго встал новенький, сверкающий свежей краской и хромом, автомобиль «Москвич». То был первый автомобиль в нашем дворе – автомобиль Полонских. Это было событие…

Посмотреть на автомобиль приходили даже ребята из соседнего двора, и мы ревностно следили, чтобы никто из них не трогал нашу дворовую драгоценность руками, потому что тоже этого не делали, «дабы не оставить на краске жирных пятен».

А в это время во дворе началось бурное строительство. Снесли, наконец, огромный «ничейный» сарай, расположенный между асфальтом и туалетом.

Когда оттуда вывезли на свалку несколько машин всевозможного хлама, в глубине сарая, к всеобщему изумлению, был обнаружен тщательно замаскированный немецкий мотоцикл с коляской. На нем был немецкий номер, а прямо на коляске – настоящий пулемет.

Кто спрятал этот мотоцикл, неизвестно. Говорили, сарай принадлежал каким-то жителям нашего дома, которые сбежали с отступающими немцами и назад не вернулись. Их знала только тетя Зина – мать Толика Фрица. В нашем доме она была единственным человеком, пережившим оккупацию.

Прибывшая милиция изъяла оружие. А мотоцикл оставили во дворе, потому что никто так и не смог его завести – он оказался неисправным. Мотоцикл нам понравился больше, чем машина, потому что мы по очереди сидели на всех его сидениях, и к вечеру отполировали все до блеска своей одеждой и руками. Зато дома нас ждала «головомойка».

Вечером мотоцикл увидел дядя Коля Василенко и объявил его своей собственностью. Никто не возражал. А вскоре на месте снесенного сарая были построены два гаража – для машины Полонских и для мотоцикла Василенко. И обе игрушки на время исчезли.

Через неделю мотоцикл выкатили из гаража и к нашему восторгу, наконец, завели. С того момента у нас появилось новое развлечение. Дядя Коля садился за руль, его коллега из института, бывший гонщик-мотоциклист – на заднее сиденье. А мы, по двое, а то и по трое, по очереди забирались в коляску. И целый месяц, пока дядя Коля осваивал мотоцикл, катались по улицам и переулкам Харькова.

И лишь через год из гаража выкатили автомобиль. Его стали готовить к необычному по тем временам путешествию – Полонские собрались в Москву.

А незадолго до этого события случайно узнал удивительные новости. Я играл на асфальте с Толиком Фрицем и Вовкой Бегуном, когда к лавочке подошли тетя Зина и Мария Григорьевна. Их разговор нас, бдительных школьников младших классов, насторожил.

– Ты зачем скрываешь свое имя? – спросила тетя Зина, – Зачем назвалась Марией, если ты на самом деле Малка?.. Вот я Зинка и Зинка… А то почтальон принес письмо какой-то Полонской Малке… Да еще заказное, с самой заграницы. И написано не по-нашему. Говорю ему, такая у нас не проживает. А он, адрес и фамилия совпадают, распишитесь. Ну, расписалась, а кому письмо, от кого письмо и что в нем – непонятно. Хорошо, ты сразу призналась. И как только его прочитала?

– Это от моего двоюродного брата. Он живет в Польше. Он у нас еврейский поляк. А написал на нашем языке. Только адрес не по-нашему. Пишет, скоро будет в Москве, предлагает встретиться. Так что мы с мужем скоро поедем в Москву на машине. И Ноночку с собой возьмем.

Вот это да-а-а… Оказывается, наша соседка скрывает свое имя, совсем как шпионка. А может, она и есть шпионка? У нее за границей брат, который пишет ей непонятные секретные письма. А скоро эти шпионы соберутся в Москве…

Мы долго обсуждали втроем, что делать. Сообщить в милицию, или лучше сказать родителям. Но потом решили, раз тетя Зина уже все знает, сообщать никому не нужно…

Но меня распирало от услышанного. Дома тут же все рассказал маме.

– Мама, мама! Оказывается, Марию Григорьевну зовут по-другому. Она не Мария, а Малка. Она скрывает свое имя. Ей письмо пришло из Польши. Написано не по-нашему. У нее в Польше брат живет. Он еврейский поляк. Он, наверное, шпион. Полонские скоро едут в Москву на машине и будут с ним встречаться. И Мария Григорьевна тоже, наверное, шпионка, а тетя Зина ее разоблачила.

– Не выдумывай, сынок. Полонские – обычные люди. Они, как и мы, происходят из Польши. Полония – это одно из названий Польши. Вот и родственник у них там нашелся. Поискать, и своих найдем. А шпионов в Москву просто не пустят. За всеми иностранцами следят наши чекисты… А имя это имя. Правильное – в документах записано, а звать человека можно по-разному. Тебя вот Толиком зовут, а в метрике ты – Анатолий. А Сашка – Александр.

– Да-а-а?.. Значит, меня по-настоящему зовут Анатолий?.. Мама-мама! А Толик Фриц тоже Анатолий?

– Ну, конечно. Иди лучше уроки делай.

А потом мы с ребятами смотрели, как загружали вещи в багажник и привязывали на крышу автомобиля. Наконец Полонские сели в машину и медленно поехали в Москву, а весь двор долго махал им вслед, пока машина ни скрылась за поворотом…

А через несколько лет Полонские вдруг выиграли новый «Москвич» в ту самую первую денежно-вещевую лотерею. Все их поздравляли, но не понимали, зачем им вторая машина, и почему именно им повезло, а не тем, у кого машины нет совсем. А вскоре старую они продали своему соседу – Марику-музыканту. И рядом с гаражом дяди Коли возник еще один гараж…

Как давно все это было… А так ясно, будто вчера…

За неделю я отремонтировал всю квартиру с побелкой потолков и окраской стен, полов, окон и дверей. И еще сделал две самодельные люстры в обе комнаты. Квартира вновь стала, как игрушечка. Я и не догадывался, что этот ремонт окажется моим прощальным подарком нашей старой квартире в доме, который до сих пор считаю родным…

Едва закончил ремонт, к нам приехал Шурик – сын дяди Вани. Он поступил в новый институт общественного питания, и теперь будет учиться в Харькове. В нашей и без того тесной квартире стало еще тесней. И еще Шурик сказал, что дня через два в гости приедет его отец.

Радости мало, зато появился предлог, и накануне приезда незваного гостя, Сашка с Тамарой и Сережей были спешно переселены в отремонтированную квартиру. И, как оказалось, вовремя. Буквально накануне приезда дяди Вани, возвратившийся из института Шурик рассказал, что едва он зашел в гости к ребятам, в незапертую дверь (а дверь в старой квартире запирали лишь на ночь) ввалился здоровенный слегка подвыпивший мужичок. С деловым видом он начал тут же осматривать квартиру. Увидев в комнате Сашку, удивился.

– А ты что здесь делаешь? Как сюда попал? Вон отсюда, пока морду ни набил! – заорал неизвестный и с угрожающим видом двинулся к Сашке. На шум из большой комнаты вышли Шурик и Тамара. Узрев подмогу, неизвестный остановился.

– Я здесь живу. А вот ты кто такой? – даже не встав из-за стола, спокойно спросил Сашка, не раз бывавший и ни в таких передрягах.

– У меня ордер на квартиру. Так что выметайтесь, а то враз всех спущу с лестницы! – снова заорал агрессивный претендент на квартиру.

– Ордер твой – липа. Так что выметайся сам, пока я не встал. А за нападение на жилище я и шлепнуть могу, – ответил на угрозу Сашка, открывая меж тем ящик письменного стола.

– Ах ты, шпана! – бросился к Сашке агрессор.

– Я даже не успел шевельнуться, – рассказал Шурик, – Сашка выхватил из ящика самодельный пистолет и выстрелил. Стекло на кухне вдребезги. Этот бежать. А Сашка за ним. Я за Сашкой. Видел бы, как он летел по ступеням! А Сашка на веранду выскочил и вверх пальнул. Тот еще быстрей. А внизу ребята знакомые стоят, ржут. Один даже спросил, может, придержать? Тот как услыхал, так прямо через перила прыгнул, и только пятки засверкали.

– Где же он мой дробовик взял? Когда ремонт делал, в столе ничего не было, – не сдержавшись, спросил Шурика. Этот двуствольный дробовик я сделал, когда мне было лет десять, и пришлось обороняться от преследований нашей дворовой банды. Дробовик бесследно исчез, когда мне было уже пятнадцать.

– Сашка сказал, нашел, когда ваш сарай ломали. Он его припрятал в мастерской, а сейчас принес домой. Даже не подумал, зачем… Ну, мы быстро все осколки вымели, а Тамара новую занавеску повесила. И пистолет выбросили.

– Куда? – не выдержал я. Так хотелось посмотреть на оружие, которое сделал почти восемнадцать лет назад.

– Толик, извини, но разломали и по частям разбросали в разных местах. А стволы утопили в вашем туалете. Все успели вовремя. Нагрянула милиция. Проверили документы. Прописка есть и у Сашки, и у Тамары, да еще Сережка к обоим вписан. Проверили ордер. Тоже не фальшивый. Ладно, говорят, это дело суда, а вот за оружие схлопочешь. Стрелял, спрашивают? Сашка, стрелял, а что оставалось – нападение на жилище, а он жлоб здоровый, да еще пьяный… Потребовали сдать пистолет добровольно. Ну, Сашка и сдал им игрушечный пугач. Посмеялись, но квартиру обыскали. Искали и пулевые отметины. Сашка потом сказал, что специально пальнул в стекло – звону много, а следов почти не бывает.

Встретили дядю Ваню. Тот был в своем репертуаре. Из вагона вышел сгорбленный мужичонка в затрапезном пиджачке, милицейских галифе и сильно поношенных кирзовых сапогах. На голове – немыслимая, видавшая виды кепка, а на спине выцветший, местами засаленный вещмешок. Даже Шурик был потрясен.

– Отец, ты что так вырядился? Одеть что ли нечего? Выглядишь, как клоун.

– Ладно, сынок. Зато в поезде не ограбят.

Мы уже давно знали слабость дяди Вани прибедняться и не удивлялись. Но в тот раз он превзошел самого себя.

– Отец, да мне рядом с тобой стоять стыдно. У тебя хоть другая одежда есть?

– А зачем она мне? По дому буду ходить в пижаме. А так, куда мне выходить? – гнул свою линию дядя Ваня.

Меж тем он выпрямился и даже спрятал в вещмешок свою ужасную кепку и пиджак. Под пиджаком оказалась выгоревшая ситцевая рубашка с короткими рукавами невнятного цвета и подозрительно смахивающая на женскую кофточку. И моя догадка подтвердилась.

– Натуральный скоморох. Даже Лидкину кофту напялил, – с досадой вырвалось у Шурика, помнившего, очевидно, кофточку сестры.

Уже дома, когда застолье в честь гостя близилось к завершению, Шурик, в знак протеста сидевший подальше от отца и не проронивший за все время обеда ни слова, вдруг активизировался.

– Отец, ты хоть деньги привез, как я просил, или опять скажешь, что в кармане оказалась дырка и они случайно выпали?

– Привез, сынок. А ты думаешь, для чего этот маскарад? – гордясь своей предусмотрительностью, радостно ответил дядя Ваня, расстроенный неласковым отношением к себе собственного сына.

– Отлично. Тогда собирайся, поедем покупать тебе костюм. А остальные деньги мне давай. Вечером меня будут ждать. Я уже обо всем договорился.

Несмотря на возражения дяди Вани, мы втроем поехали решать непростую задачку поиска подходящей одежды. Объехав с десяток магазинов, лишь убедились, что все вешалки отделов забиты костюмами, которые мало чем отличались от клоунского наряда дяди Вани. Отчаявшись, решили ехать в центр искать спекулянтов. Собственно, их можно было и не искать. Стоило остановиться с задумчивым видом у любого магазина, как тут же подходили предприимчивые ребята с предложениями. Они узнавали, что требовалось, и объявляли сумму «сверху». Стоило согласиться, тебя вели прямо в магазин и без всякой очереди и прочих формальностей передавали продавцу, который тут же предоставлял «случайно завалявшийся на складе» нужный товар. Купить что-то приличное как-то иначе в Харькове было невозможно.

К моему удивлению, сновавшие у магазина «Одяг» спекулянты обходили нас стороной. А когда сам стал подходить к некоторым из них, срывались с места и на некоторое время исчезали в толпе. И вдруг до меня дошло – их отпугивали милицейские галифе «переодетого» дяди Вани. Я отошел в сторонку и быстро вычислил «старшего».

– Привет, я Проф, на Ленчика щипал, пока он коньки ни откинул. Нужна помощь, – представился ему своей липовой, но известной в криминальном мире кличкой. Спекулянт посмотрел с удивлением.

– А ты разве не с ними? – показал он на дядю Ваню и Шурика.

– Обижаешь… Ты кого испугался? Это мой дядя – сундук деревенский. По дурости думает, такие штаны в городе щипача отпугнут… Валенок… В общем, приодеть его надо поприличней, чтоб вороной не выглядел… За мной не пропадет.

– Ладно, понял… Сделаем по номиналу. В память о Ленчике… Подходи, если что надо, – протянул руку старший и щелкнул пальцами. К нам тут же подскочил один из шустрых ребя-

тишек, – Проводи вон тех двоих в отдел. Оформи по высшему разряду. Сверху не брать, – дал указание спекулянт, конечно же, знавший, что щипач не только «верх», но и всю сумму легко вернет, причем непременно со спекулянта, не уважившего просьбу.

Через полчаса из двери магазина вышел одетый с иголочки джентльмен – дядя Ваня. Рядом шел Шурик с увесистым узелком его маскировочного хлама.

– Ты куда делся? – спросил удивленный моим появлением Шурик, – Представляешь, странный спекулянт попался. Быстренько, говорит, за мной. Ну, мы рискнули, пошли. Представляешь, отца в момент одели, дешево и прилично. Да еще отказались от благодарности. Ничего не понимаю. Даже продавец у отца рубль не взял.

– Они, думаю, дядю Ваню приняли за переодетого мента. И спектакль разыграли. Сделали вид, что не раскусили его маскировочку и показали, что торгуют по всем правилам, – серьезно пояснил Шурику, едва сдерживаясь от распиравшего смеха.

– Да ты что! Надо же. Хоть в чем-то повезло. Ты посмотри, какой костюмчик. А туфли. А рубашка. И все – по цене того дурацкого костюма, который отцу приглянулся. А тут еще галстук подарили от магазина, – восторгался Шурик. Дядя же шел в странном состоянии раздвоения чувств: с одной стороны, был доволен удачным приобретением, а с другой – сожалел о деньгах, бессмысленно потраченных на ненужную покупку. А потому всю обратную дорогу до дома улыбался и ворчал одновременно.

Дома его покупку одобрили. Слегка выпив перед обедом и таким образом обмыв обновку, дядя Ваня, наконец, успокоился. Но, как оказалось, ненадолго. Вечером явился Шурик. Но явился не просто, а В ЗОЛОТОМ СИЯНИИ… Сияла его рыжая шевелюра, сияли его веснушки, сиял широкой улыбкой сам Шурик. Не хватало лишь сияющего нимба над его бестолковой головой. Все остальное, необходимое для счастья студента-первокурсника института общественного питания, у него, наконец, было. Демонстративно расстегнутая почти до пояса рубашка обнажала массивный золотой нательный крест на золотой, разумеется, цепочке. Запястье левой руки украшали золотые часы с золотым браслетом, запястье правой – тонкий золотой браслет из тех, которые обычно носят женщины. А на пальце красовался массивный золотой перстень-печатка. Не хватало лишь серьги в ухе, как у пиратов, да кольца в носу, как у дикарей…

Дядя Ваня, похоже, сразу все понял. На него было больно смотреть. Он не произнес ни слова. Он просто зарыдал. Наконец, всхлипнув пару раз, дядя Ваня взорвался.

– Что ты наделал, мерзавец! – выкрикнул обиженный и одновременно разгневанный отец своему балбесу-сыну, – Я ему деньги везу, скопленные годами. Ну, думаем с матерью, сын жениться собрался, или еще на что серьезное деньги потребовались… Стыдно, видите ли, ему со мной ходить… Костюм он мне купил, паразит, на мои же деньги… А я, дурак, согласился. Думал, с родителями невесты познакомить хочет. А он себе игрушек накупил… Сам ты на клоуна похож в этих побрякушках!

– Ничего ты не понимаешь, отец, – вдруг пошел в контратаку сынок, – Ты знаешь, какие люди со мной будут учиться? Ты знаешь, как они одеты и что носят? Да я с этими цацками им в подметки не гожусь, а без них они на меня даже не взглянут.

Весь вечер шли словесные баталии отцов и детей, усугубляемые спиртными напитками. Но все проходит. Прошел и тот злополучный вечер…

С утра отцы перешли в атаку – нас подняли ни свет ни заря. Мне было проще, потому что давно привык к раннему подъему, да еще в ином, более раннем часовом поясе. Шурику же пришлось тяжко. Опохмелившись и плотно позавтракав, все отправились в сад. Так началась наша двухнедельная каторга.

Работая втроем с утра до вечера, мы с дядей Ваней и Шуриком укрепили фундамент, вырыли и оборудовали погреб рядом с домиком и сделали над ним пристройку, которая добавила домику небольшую комнату. Отец снабжал нас стройматериалами, а мама привозила обед. В выходные приезжали братья и слегка помогали. Работа сгладила обиды, и вскоре о костюме и золоте никто не вспоминал…

Уже под занавес нашего строительства отец привез плохие новости. Претендент на нашу старую квартиру подал заявление в суд. Сашка с Тамарой тут же подали встречный иск. Но хуже всего то, что приостановлено действие ордера на новую квартиру, то есть до принятия судебного решения никому из лиц, вписанных в ордер, нельзя будет в ней прописаться. Я и не предполагал, что все это напрямую коснется меня…

Еще как коснулось! В райвоенкомат, наконец, пришли мои документы. И тут же заработала, заскрипела на холостых оборотах неповоротливая и тупая бюрократическая машина. Моей справки о том, что по военному ведомству у меня никогда не было жилплощади, оказалось недостаточно. С меня затребовали справку, что жена и ребенок тоже ничего не имеют. Я пояснил, что семья благополучно живет в Московской квартире, и попросил переправить мои документы в Москву – по месту жительства семьи.

Увы… Мне пояснили, что это невозможно. Семья должна сдать московскую квартиру и ехать ко мне. Иначе в Харькове мне квартиру не предоставят.

– Да не нужна мне ваша квартира! Представьте себе, что я сошел с ума, сбежал от жены и уехал к маме! Справка из дурдома в моем деле имеется, – выходя из себя, буквально прокричал военкому.

Но мне объяснили, что до нашего официального развода никакие дальнейшие действия военкомата невозможны.

Все… Очередной тупик…

Я вдруг почувствовал, что вновь накатывает состояние депрессии, близкое к тому, в котором находился накануне моей принудительной отправки в госпиталь. И когда совсем отчаялся, случайно возникло приемлемое решение.

Перед отъездом дядя Ваня вдруг возжелал побывать в старой квартире. И когда мы прибыли туда, как всегда, всей толпой, к Сашке зашел адвокат. В бумагах, которые он нам показал, неожиданно увидел свои данные. Оказалось, это была справка из паспортного стола. И тут только выяснилось, что все годы моей службы в армии я числился прописанным в нашей старой квартире. Каким-то образом не сработала автоматика регистрации жителей, и меня случайно не выписали из квартиры. И это оказалось выходом из моей, казалось, безвыходной ситуации.

Со справкой о прописке я вновь объявился в военкомате. Там написал заявление, что претензий к военкомату по жилью не имею, и ржавый бюрократический механизм, наконец, сдвинулся с мертвой точки. Мне выдали документы для оформления паспорта.

В паспортном столе ситуация повторилась один в один. Правда, в гражданском ведомстве все-таки сработал мой довод о том, что я сбежал от жены. Скорее всего их убедила справка военкомата о моем увольнении из армии по психиатрической статье. Сумасшедшему поверили и паспорт, наконец, выдали, проставив все необходимые штампики, кроме данных о прописке. Мне заявили, что этот штампик поставят только по решению суда. А сумасшедшим можно и не работать. Позаботится государство.

Приехали…

У меня на руках уже был паспорт, но без прописки. А это все равно, что не было ничего. Я все там же – на нулевой отметке…

Как долго ждать суда, а тем более его решения, никто не знал. И я решил ехать с дядей Ваней и Шуриком в Москву.

Глава 2. В Москву

В Москву я ехал на волах
И думал о тебе,
Волов я палкой погонял,
Кричал им: «Цоб! Цобе!»

Эта песенка, которую мы с Вовкой Бегуном распевали под гитару, когда нам было лет по пятнадцать, очень точно отражала скорость нашего перемещения к Москве.

Накануне завершения сезона летних отпусков билетов в Москву попросту не было. Транзитные пассажиры метались от кассы к кассе, сшибая друг друга с ног тяжелой поклажей. У отдельной кассы яростно ругались, толкались локтями и периодически замахивались, а то и действительно кого-то били своими палками крепенькие, закаленные в битвах и скорые на расправу «инвалиды» всех мастей.

Лишь у воинских касс было скучно – там билеты были, но по воинским требованиям. И я впервые пожалел об изменении своего статуса. Безрезультатно послонявшись дня три у касс и не торопясь обогащать вконец обнаглевших спекулянтов, мы оставили затею с билетами, тем более что дядя, поиздержавшийся на золото Шурика и свой костюм, не спешил раскошелиться. У меня же денег не было вовсе.

Еще пару дней пробовали договариваться с проводниками. Это оказалось не дешевле, да и свободных мест давно уже не было, и потому нам чаще отказывали. Поезда были забиты под завязку, а люди с юга все ехали и ехали…

Посовещавшись, решили ехать через Воронеж в Рязанскую область, а уж оттуда в Москву. Три пересадки, общие вагоны и прочие неудобства, но это был реальный выход. И дядя начал готовиться к поездке.

Прежде всего, он решительно стряхнул «золотую пыль» с не менее решительно сопротивлявшегося Шурика. Все побрякушки были тщательно упакованы и зашиты в милицейские галифе. Не менее тщательно были упакованы и все обновки. Чувствовалось, дядя с удовольствием зашил бы их в свой засаленный пиджак, но, увы, это было невозможно. Естественно, что и на этот случай все было предусмотрено. Каждую упакованную вещь дядя заворачивал во что-нибудь из своего немудреного гардероба: в грязную майку, в мятые пижамные брюки, или во что-то еще из подобного непрезентабельного набора. Каждый такой ком он дополнительно оборачивал в маскировочный хлам. И я, наконец, понял, что искал дядя, роясь в куче мусора мастерской художников, и что он тогда привез домой и тут же сунул в свой жуткий рюкзак.

Вскоре собранный в дорогу «мусор» был сложен, а дядя, переодевшись, приобрел вид нищего паломника, едущего на богомолье.

– Посоха только не хватает, – выдал я ценное замечание, критически оглядев внезапно преобразившегося в старика крепкого мужчину средних лет.

– А что! Идея, – неожиданно поддержал меня дядя, – К тому же посох это отличное оружие от грабителей.

– Да уж, – невнятно согласился с ним. А Володя, весело смеясь, уже нес из своей комнаты нечто вроде посоха. Это была толстая суковатая дубовая палка с удобным хватом, которую Володя уже кое-где украсил резьбой.

– Хороша-а-а! – с восхищением отметил дядя, разглядывая неожиданный подарок, – Только вот выглядит, как новая, – неожиданно расстроился он.

– Сделаем, – ответил брат и минут через десять вынес искусственно «состаренный» посох. Дядя Ваня мгновенно засиял как Шурик в своем золоте, отчего сразу стала заметной их генетическая идентичность.

– Отец, я рядом с тобой не пойду, – вдруг заявил «обеспыленный» Шурик.

– И не надо. Так даже лучше. Вы с Толиком делайте вид, что облагодетельствовали старичка, разрешив ему посидеть рядом. И в разговоре зовите меня по-простому – «дед», – выдал ценные указания дядя… Да-а-а…

Сколько усилий, чтобы сохранить «несметные богатства», которые обеспечат его балбесу-сыну лишь снисходительные взгляды сыновей сильных мира сего…

Сделав пересадку в Лисках, которые недавно были благополучно переименованы в Георгиу-Деж, мы за сутки одолели путь до станции Кораблино Рязанской области, где жили дядя Ваня и его семья. Путь от станции до их дома напрямую занимал не более десяти минут. Но это был путь домой… А потому первым делом наш незаметно высадившийся десант, озираясь, зашел в станционный туалет, где из рюкзака были извлечены обновки, а из освободившихся галифе золото Шурика…

И вот уже джентльмен-отец под руку с позолоченным денди-сыном налегке движутся к дому, но не напрямую, а в обход – по центральной улице старого Кораблино. А позади них, навьюченный как китайский кули, опираясь на посох, бреду я – отставной офицер Советской Армии.

Похоже, в этом провинциальном городке, где все знают все обо всех, наша процессия производит фурор. Встречные останавливаются и тут же, пятясь задом, сдвигаются в сторонку, уступая нам дорогу даже на широкой улице. Они не только первыми приветствуют встретившихся им «господ», но, кажется, даже слегка им кланяются, как в старые добрые времена. А «господа» лишь снисходительно кивают головами, даже не отвечая на приветствия.

– Иван Алексеевич… Александр Иванович… С приездом, – слышится со всех сторон.

Волшебный миг торжества пустого тщеславия… Бессмыслица… Но как манит…

Как же недолговечны мгновения успеха, а особенно, если успех мнимый… Дома один в один повторилась харьковская картина ЗОЛОТОГО СИЯНИЯ и такой же эффект ее воздействия на лиц не случайных, а заинтересованных. Из состояния истерики тетю Нину пришлось выводить достаточно долго, к тому же с применением нашатыря, валерьянки и прочих средств из домашней аптечки.

Перепало и дяде Ване, допустившему бессмысленную трату средств семьи. Примерно через час обнаружили, наконец, меня. Все время семейных дрязг я тихо сидел в сторонке, стараясь не привлекать внимания. Переключение тети на мою персону на время сгладило остроту противоречий между блага дающими и блага потребляющими. А домашние хлопоты, связанные с подготовкой праздничного обеда в честь гостя, и вовсе отложили час расплаты до худших времен.

Засуетился принявший свой повседневный вид дядя Ваня. Он притащил странного вида аппарат, оказавшийся самогонным. И работа закипела. Благо, сусло уже было подготовлено предусмотрительной тетей Ниной заранее. Вскоре проявились серьезные дефекты этой неудачной самоделки, изготовленной когда-то Шуриком. Работа была приостановлена, благо спиртного на первый случай уже хватало. А после обеда я вплотную занялся аппаратом. К вечеру из его останков и подручных материалов удалось сделать намного более совершенный, почти лабораторный, прибор, который впоследствии много лет служил дяде верой и правдой.

К вечеру собрал и установил в гостиной самодельную люстру наподобие тех, что соорудил в Харькове. Дяде они тогда понравились, и я сделал его семье небольшой подарок. Тете сюрприз тоже пришелся полюбу, а потому вскоре в доме установилась нормальная атмосфера,

и Шурик, наконец, получил возможность выйти из своего убежища, где пробыл почти целый день, спасаясь от гнева матери.

Включили телевизор, и остаток моего вечера ушел на его ремонт. Когда он заработал, как положено, выяснилось, что пора спать. Первый день в гостях у дяди Вани прошел.

Мое первое утро в Кораблино один в один походило на первое утро в Харькове. Только вместо отца, на пороге топтался дядя Ваня с подносом, а вместо мерефянского самогона в графинчике плескался самогон кораблинский.

– Всю ночь гнал, – радостно сообщил дядя, – Аппарат работает, как зверь. Все перегнал. Надо новое сусло ставить. Давай по стаканчику, – предложил он.

А после завтрака мы с дядей и Шуриком штукатурили стены внутреннего дворика. Работа мне была давно знакома – еще с детства, когда мы с братом помогали бабушке устранять последствия затяжных дождей. Украинские хатки смотрятся красиво, но как много сил тратят хозяйки, чтобы поддерживать этот вид.

Не счесть, по скольку раз мы с братом по просьбе бабушки ездили за мелом, глиной или песком. Мы брали у сарая ручную тележку, брат с лопатой забирался в нее, а я впрягался вместо лошади. И мы рысью направлялись через коровий выгон по степной дорожке к родникам. Вскоре менялись местами. Так играя, приезжали на место, где было отрыто множество пещер и просто ям, в которых местные жители добывали мел. Мы отыскивали участок, где мел был самым белым и самым чистым, и, набрав его полную тележку, отправлялись в обратный путь. Глина и песок были гораздо ближе.

А потом месили глину с коровяком и соломой, отплясывая в ней босыми ногами. Вначале нам, городским детям, это казалось чем-то неприятным, противным, но со временем забыли эти первые ощущения. Мы лихо штукатурили и затирали стены, а постепенно освоили их окраску мелом. Завалинку дома и глиняные полы в доме окрашивали сажей в черный цвет. Окрашенные полы посыпали цветным песком. Поверх песка рассыпали ароматные травы, а потом расстилали разноцветные домотканые коврики. А окна, двери и передний угол с иконами украшали вышитыми рушниками – тоже домоткаными. И хата приобретала свой традиционный вид.

Вначале меня поражало, что такой «ремонт» бабушка проводила еженедельно – по субботам. Потом понял, что это обычная работа, вроде генеральной уборки в городской квартире. А вот после затяжных дождей ремонтных работ бывало побольше…

Плотно пообедав с самогоном, после короткого перерыва приступили к другой работе – чистке водоотвода и водосборного колодца… А вечер ознаменовался дегустацией образцов продукции, выгнанной дядей за ночь. Дядя, не спавший всю ночь, быстро захмелел, горько плакал и просил меня немедленно объяснить тете Нине, что костюм его заставил покупать Шурик, а сам он этого делать вовсе не хотел. Тетя Нина уже давно спала, и я отказывался ее будить даже для столь важного сообщения. Дядя настаивал. Я снова отказывался. Выпивали за то, чтобы утром все прояснилось. Вскоре дяде снова становилось невтерпеж, и он снова настаивал, а я снова и снова отказывался. Мы угомонились далеко за полночь.

А наутро вновь повторилось харьковское утро, но снова с дядей и кораблинским самогоном. После завтрака пошли «рыть картошку». Эта работа отняла весь день. За день мне так и не удалось сообщить тете важную для дяди информацию о костюме. А потому вечер прошел так же, как и предыдущий.

Третье утро не отличалось от первого и второго. А после завтрака я поблагодарил гостеприимных хозяев и заторопился в Москву. И тут только выяснилось, что дядя, удрученный костюмом и золотом, потерял интерес к столице. Шурик же вообще все эти дни старался быть малозаметным. А потому стало ясно, что дальнейший путь в Москву предстоит одолеть в одиночку.

За две бутылки самогона дяде удалось достать мне билет до Рязани в общем вагоне проходящего поезда. К моей сумке с вещами добавился мешок картошки, которым дядя наградил за ударный труд. Поезд, как всегда прибыл задом наперед, то есть с нумерацией вагонов, обратной той, которую накануне его прибытия несколько раз сообщили по радио. Мне никогда не нравились эти шутки железнодорожников. Я часто наблюдал их эффект со стороны, и мне почему-то не было весело. Когда мы тринадцать часов просидели в Лисках, тщетно пытаясь попасть на поезд до Кораблино, меня поразило объявление станционного радиоузла:

– Граждане пассажиры. Поезд номер семьдесят шесть, опаздывающий на полтора часа, прибывает к пятой платформе. Нумерация вагонов с головы поезда, но вследствие опоздания, возможна и наоборот… Для посадки в поезд проходите через тамбуры почтово-багажного поезда, стоящего на первом пути. Проводники почтово-багажного поезда, пропустите пассажиров через тамбуры своих вагонов для их прохода на посадку… Граждане пассажиры. На третьем пути стоит товарный поезд. Смело проходите под вагонами стоящего поезда… Граждане пассажиры. Будьте внимательны. К четвертому пути может внезапно подойти товарный поезд. Дождитесь его полной остановки. Берегите свои жизни… Время стоянки семьдесят шестого поезда пять минут. Вследствие его опоздания время стоянки может быть сокращено… Счастливого вам пути.

Это было реальное, а не шуточное объявление. И подобных объявлений за вечер было несколько. Лиски – напряженный железнодорожный узел. Я представил себя на месте бабушки с внуком и вещами, которая должна преодолеть эту устроенную железнодорожниками полосу препятствий в сумерки или при слабом ночном освещении. Жуть… Глупой шуткой звучало всякий раз пожелание счастливого пути. Счастливого пути, граждане пассажиры, если доберетесь…

Еще хуже чувствовать самого себя объектом подобной дурости, когда мы с дядей и братом рысью неслись к своему вагону с мешком картошки и вещами наперевес. А за нами – еще десятка два кораблинцев, и все были устремлены в один вагон. Только в этот вагон продали билеты. Успели лишь потому, что кто-то дернул стоп-кран…

Стоп-кран, похоже, нравился не только кораблинцам. Путь в семьдесят километров до Рязани ознаменовался пятью такими инцидентами. Во время одного из них, с третьей багажной полки в проход нашего купе упал спавший на ней пьяный. Все замерли от ужаса. Но лежавший без видимых признаков жизни «пострадавший», похоже, продолжал спать, даже не заметив своего падения. А когда все очнулись от шока и загалдели, разбудив бедолагу, его рука вдруг шевельнулась, быстро влезла в корзину одной из старушек, вытащила оттуда огурец и потянула его ко рту. Галдеж был мгновенно перекрыт поросячьим визгом «обобранной» старушки, которую тут же усовестили. Пьяный с добычей всеобщими усилиями был водружен на место, а обе старушки продолжили прерванную инцидентом трапезу. Они сели в Кораблино с полными продовольственными корзинами, а вышли в Рязани с пустыми. Трапеза отняла у них все движимое имущество, потому что другого у них с собой не было, но наполнило смыслом потерянное, было, впустую время в пути…

Добравшись до Рязани, почувствовал, что Москва почти рядом. Отсюда уже можно, при необходимости, добраться электричками. Конечно же, хотелось попасть на фирменную «Рязань-Москва», о которой уже существовал анекдот-загадка – длинная зеленая, с синей полосой, пахнет колбасой. Увы, фирменная уже увезла десант рязанцев в московский набег за дефицитными в Рязани колбасными изделиями. Пришлось ехать обычными электричками, с множеством остановок у каждого столба и пересадками на узловых станциях. К вечеру я, наконец, позвонил в московскую квартиру, откуда уехал более двух месяцев назад.

Глава 3. Московский штиль

Конечно же, дома меня давно ждали, но, естественно, не с теми результатами. Мой вынужденный отпуск слишком затянулся, причем на неопределенный срок.

В первую неделю мне еще радовались все. В квартире, наконец, появился мужчина. Всю неделю я устранял строительные дефекты и следы женской инициативы.

Моя деятельная теща, привыкшая рассчитывать только на себя, в бетонной коробке почувствовала себя неуютно. До переселения она всегда жила в деревянных домах, и теперь ее раздражало, что она не могла вбить гвоздь в стену там, где ей хотелось.

А когда Таня принесла с работы горсть дюбелей, теща с утра до вечера пыталась вколотить их в бетон при помощи обычного молотка. Она оставила эти попытки лишь, когда отлетевший от стены дюбель попал ей в лоб.

После этого она стала вбивать их в оконные рамы, в рамы встроенных шкафов, в любые деревянные детали. К ним она привязывала веревки для сушки белья. Естественно, что под нагрузкой дюбели вылетали. И постепенно их место занимали все более крупные гвозди, приколачиваемые рядом. К моему приезду часть деревянных конструкций уже была в трещинах и сколах и имела непрезентабельный вид, усугубляемый торчащими вкривь и вкось огромными гвоздями.

Когда все было приведено в порядок, теща стала изводить нелепыми поручениями. То требовала перевесить ковер чуть повыше, то сдвинуть его на метр влево, а то и вовсе переместить на противоположную стену.

– Вы решите окончательно, тогда переделаю, а бессмысленно дырявить стену больше не буду, – взбунтовался я.

– Будешь… Мужчина нужен, чтоб носить в дом деньги, а дома должен все время стучать молотком, выполняя женские прихоти… Денег ты не носишь, вот и стучи, – ехидничала теща. Я уже кожей ощущал ее неприязнь к моей персоне, вторгшейся вопреки ее воле на территорию, где она до сих пор царила безраздельно. Для начала я запретил ей выполнять «мужскую работу» по дому. А она это любила, хотя и ничего не умела делать.

Что ж, денег от меня действительно пока не было, но и бессмысленно стучать молотком не хотелось. «Не бери в голову. Гуляй пока со Светланкой», – посоветовала мне Таня. В армии этот совет слышал неоднократно. Но я не в армии. И что теперь? Бороться с тещей? А может, мать права, когда предупреждала, что жить в примаках нелегко? Ладно, дождусь, когда начну «носить в дом деньги»…

А пока переключился на прогулки с дочерью. Прямо с утра мы уходили с ней из дома. Я не брал прогулочную коляску – мы оба любили ходить пешком. А когда Светланка уставала, брал ее на руки и носил, пока снова ни просилась на землю. Главное, мы много разговаривали. Я старался говорить доступным ей языком, не сюсюкаясь. Рассказывал сказки, фантазируя на ходу и наблюдая за ее реакцией. И мне нравились эти прогулки, потому что мне показалось, мы стали понимать друг друга. Моя маленькая доченька стала моей расширяющейся Вселенной.

На прогулках мы никогда не ходили по одному и тому же маршруту. Я постепенно изучал окрестности и прилегающий лесной массив Лосиного Острова. До сих пор я, житель лесостепи, а потом пустыни, редко бывал в лесу. Теперь же лес был рядом с домом. И я изучал его с большим интересом…

В конце августа объявились дядя Ваня и Шурик. Они намеревались остановиться у моего двоюродного брата Бориса, но не знали, что он недавно переехал в Измайлово. А потому

вынуждены были разыскать меня. Я уже знал его адрес, но еще не был у него в новой квартире. И вот такая возможность представилась.

В Москву дядя приехал все в тех же милицейских галифе и синем, в тон брюк, форменном кителе со следами споротых погон, но уже в хромовых сапогах и приличной рубашке с короткими рукавами. Не было на его голове ужасной кепки, а на спине – выгоревшего и засаленного рюкзака. Собственно, в руках у дяди вообще ничего не было. «Похоже, в этот раз все ухитрился зашить в галифе», – подумал, увидев его в дверях нашей квартиры. Не был обременен поклажей и Шурик.

– Что это они? Вроде в гости приехали, а без гостинцев, – не преминула уколоть теща.

– А мешок картошки? Это дядя тогда передал, – выручил гостя, хотя и сам давно знал о его скупости. Он и в Харьков тогда приехал с пустыми руками. Да и Шурик недалеко ушел.

Отобедав, отправились в Измайлово. Боря встретил меня восторженно.

– Ну, наконец. Давно тебя ждал. Слышал, ты уволился, и будешь жить в Москве. Когда мы с тобой виделись в последний раз? – искренне интересовался моими делами брат.

– Год назад, когда ты из Чарджоу возвращался, – напомнил ему.

Я хорошо помнил тот день, когда пришла телеграмма: «Буду проездом… Поезд… Вагон…» Мне удалось добраться в Тюра-Там, когда поезд уже прибыл и готов был отправиться дальше. Я успел вскочить в соседний вагон, когда он уже тронулся. Борю увидел в тамбуре.

– А я подумал, ты телеграмму не получил, – обрадовано бросился он ко мне, – Молодец! А поезд уже едет, – обеспокоено глянул в окно Борис.

– Я с тобой проеду до Казалинска. Это час езды. Успеем немного пообщаться, – успокоил его.

Мы тогда о многом рассказали друг другу. Я узнал, что брат уже не работает на заводе «Каучук», где всю жизнь проработала его мать, где до сих пор работали брат, их жены и где с юношеских лет работал сам Борис. Оказалось, великолепный специалист, мастер своего дела со среднетехническим образованием теперь работает сторожем на автостоянке.

– Боря, что случилось? – поразился тогда невиданному кульбиту любимого брата. Борис был старше на двенадцать лет. Он всегда казался мне человеком многоопытным, бывалым. По любым вопросам имел свое мнение, иногда противоположное общепринятым представлениям и нормам. Много лет брат был непререкаемым авторитетом, образцом для подражания. С годами я обошел его по многим показателям, но преклонение осталось навсегда. И Боря тоже особо выделял меня из всех своих родственников.

– Знаешь, Толик, надоело горбатиться на государство. Хочется хоть немного нормально пожить, – удивил таким ответом брат.

– Нормально пожить сторожем?

– Причем здесь сторожем? Сторож – мое прикрытие, чтоб не оказаться тунеядцем и не попасть под статью. Работа великолепная – сутки дежуришь, трое свободен. Занимайся, чем хочешь. Вот и занимаюсь. Хобби стало моей работой. Днем снимаю детский садик или школу, ночью проявляю пленки и печатаю фотографии. С утра отдаю воспитателям или учителям, а дня через три снимаю выручку. За одну съемку выходит моя зарплата сторожа, за две – зарплата мастера цеха. И три недели в месяц свободен, как птица. Делай, что хочешь. Захотел, поехал на Урал, захотел – на Дальний Восток. Вот сейчас еду из Чарджоу. Поснимал там от души. Такие лица. Экзотика.

– Боря, а дальше что? Поснимал и все?

– Почему все? Некоторые снимки показываю знакомым фотохудожникам из АПН. Иногда критикуют, иногда хвалят. Несколько снимков уже опубликовали под своими фамилиями, а гонорар мне.

– Боря, а почему тебе самому ни стать фотохудожником того же АПН?

– Нашел дурака. Да я их зарплату за неделю зарабатываю. Они сами рады на моем месте поработать. Только оказалось, не все могут. У них стабильности нет. Тут некоторые по моей наводке попробовали поснимать. Провалили все дело. Через неделю принесли в школу несколько снимков. Отличные снимки. А остальные, где? Снимались-то все. Не получилось, говорят. Вот тебе и фотохудожник на промысле. А у меня – скорость, стабильность и качество. И, соответственно, заработок.

Не понял я тогда меркантильных соображений брата, потому что все еще мыслил, как типичный идеалист – главное это полезная человечеству работа, а зарплата и прочие блага придут автоматически, по твоим заслугам. Государство само оценит твой труд достойно. Как же я ошибался…

– Ну, здравствуй, дядя, – приветствовал меж тем Боря дядю Ваню, – Ты не меняешься. Заморозился в одном возрасте… О-о-о! Какие шикарные штаны себе приобрел! А сапоги! Неужели натуральный хром?.. Типичный жокей! В скачках собрался участвовать, дядя? Или так, для форса? – шутил Борис. Шурика он даже не замечал. И тот молча стоял в дверях.

– Ты все шутишь, как всегда, – недовольно ворчал дядя, – Нет, чтобы пригласить всех в дом, а уж потом расспрашивать, – поучал он племянника.

– Ну, раздевайтесь и проходите в дом, – пригласил Боря и вышел из тесной прихожей, – Пойдем, Толик. Пусть раздеваются.

Мы прошли в гостиную.

– Знаешь, Толик, вот не люблю я этого жлоба, хоть убей. Еще с детства, когда мы с Генкой жили в войну в Кораблино… Да и сыночек под стать папаше, – пожаловался Борис.

Степенно вошли гости – дядя Ваня в галифе, домашних тапках и рубахе с короткими рукавами, а за ним Шурик как был, но в носках, потому что ему тапок не хватило.

– Представляешь, Боря, такой большой кусок сала я тебе приготовил. Специально выбирал. Уже на стол положил. Так и остался на столе.

Представляешь, склероз проклятый, забыл. Так жалею. Веришь? – вдруг понес какую-то чушь дядя.

– Верю, дядя Ваня. Ты же совсем не меняешься. Спасибо тебе за сало. Сейчас вот место в холодильнике освобожу, чтобы и Нина посмотрела, какой большой кусок ты для нас приготовил, – поддержал дядю Ваню Боря, а я содрогался от беззвучного смеха, – Ладно, дядя, ты зачем приехал? Говори, а то мне некогда. Надо фотографии срочно печатать.

– Так, ты, гостей встречаешь? Даже не угостил, а сразу в разговоры полез, – снова заворчал дядя.

– Дядя, ты же не предупредил, что в гости приедешь. Хозяйка на работе, да и я не прохлаждаюсь. А угощение еще найти надо. Я даже не знаю, что у меня в холодильнике осталось кроме твоего сала.

Боря достал из холодильника начатую поллитровку водки, поставил три рюмочки, быстро нарезал хлеб, положил на тарелку несколько маринованных огурчиков из банки. Дядя с явным неудовольствием следил за приготовлениями.

– Ну, ладно, вы тут давайте, угощайтесь, а я пошел, – сказал Боря и пулей вылетел из кухни.

– Ну и племянничек… Выставил початую бутылку… Как кость собакам бросил… Закуски никакой. И сам ушел… Ладно, Толик, наливай, – поворчав, выдал команду дядя.

Мы выпили и закусили. Стало ясно, больше здесь делать нечего. Сильно потускневший дядя Ваня тут же засобирался навестить второго племянника – Гену. Когда прощались, Боря отвел меня в сторонку.

– Толик, ты меня извини. Но, честное слово, я как завязал, на этот процесс спокойно смотреть не могу. Тянет так, что сил нет. Но надо держаться. Мне нельзя ни капли, иначе сорвусь, – пояснил Боря свой стремительный уход из кухни, – Ты заходи ко мне в любое время. Я в основном дома. Тогда и поговорим.

Гена жил в самом центре, где занимал комнату в коммунальной квартире. Старый дом был в ужасном состоянии. Вскоре его должны были снести, а семья Гены уже давно жила на чемоданах. Тем не менее, Гена очень обрадовался приезду дяди. Особенно, когда тот попросился пожить у него несколько дней. Оказалось, недавно освободилась комната, из которой очень кстати выехали соседи.

Передав дядю с Шуриком в надежные руки, я вернулся домой.

К Боре попал лишь через неделю. Мы приехали к ним в гости всей семьей в выходной. После того выходного мне было позволено бывать у брата в любой момент, когда захочется. Моя Таня попала под обаяние живого характера Бориса. Понравились друг другу и наши жены. Нина, жена Бориса, была прямым, открытым человеком – таким же, как Таня. И, конечно же, всем понравилась наша Светланка. Боря снова сделал кучу фотографий, в том числе и самую удачную фотографию моей жены.

Попытался поискать хоть временную работу. Но едва показывал свой паспорт, выданный в Харькове и без прописки, мне отказывали. Мои объяснения никого не трогали, потому что никто не хотел неприятностей. Посетил и паспортный стол. Там встретили аналогично. Мне пояснили, что пропишут лишь после того, как в моем паспорте будут два штампика – о прописке в Харькове и о выписке оттуда…

А Боря, наконец, купил машину. Это был подержанный автомобиль «Москвич» – маленькая «Волга», как любовно называл это чудо позавчерашнего дня брат.

– Представляешь, рама сделана из трехмиллиметровой стали, а кузов – из миллиметровой. Куда там «Жигулям»… Здесь все можно варить. Я в ней все переберу. Сначала ходовую, а потом все подряд, – делился своими планами новоиспеченный автовладелец.

Мгновенно начались традиционные неприятности, как и у всех, кто хранил авто на улице. В тот день, когда впервые увидел Борино приобретение, оно уже было не на ходу. Какой-то негодяй порезал шины всех стоявших во дворе автомобилей. Шиномонтажники ликовали.

А Боря выходил из себя, потому что был уверен, что это дело рук кого-то из соседей.

– Убью мерзавца, если поймаю! – кричал Боря на весь свой небольшой дворик.

– Боря… Убьешь человека из-за каких-то колес? – с удивлением спрашивал брата, уже зная, что чувствует человек, убивший даже преступника. Слава богу, что не мои пули поразили тогда убийцу беззащитных людей. Он застрелился сам, когда понял, что я загнал его в ловушку, и он нейтрализован. Но до сих пор содрогаюсь, вспоминая тот ужас, когда осознал, что убил ЧЕЛОВЕКА.

– Да это я так. Пар выпускаю… А вообще, честно говоря, взыграло таки чувство собственника… Уже прикипел к моей красавице. Ты посмотри, какой у нее задок. Красота! Пасть порву, если поймаю!!! – снова заорал Боря на весь двор.

Наконец, отремонтированные колеса встали на свои места. Боря сел за руль. Рядом с ним сел инструктор. Это был просто опытный водитель со стажем. Я тоже забрался в кабину. И мы часа три колесили по Москве. Тогда еще к экзаменам допускали и без обязательного обучения в автошколах. А для Бори научиться хорошо водить машину было важней, чем получить бумажку. Из первой поездки Боря вернулся весь мокрый от сильных эмоций.

– Вот когда приедешь сухим, считай, чему-то научился. А вообще вождению будешь учиться всю жизнь, – сказал Боре его товарищ-водитель.

Для меня эти поездки тоже оказались не лишними. Но свое водительское удостоверение я получил лишь через несколько лет. А пока брат заразил меня идеей покупки автомобиля. Но о чем мне было мечтать, если я все еще находился между небом и землей…

Вскоре Боря получил «права». Все оказалось проще, чем представлялось брату, замороченному байками, которыми угощали его автолюбители стоянки. Однажды он рискнул поехать на машине в Тульскую область – на родину жены. С ним поехал и его инструктор. Случайно оказалось, что сосед родителей Нины, которого по-соседски пригласили на торжество по случаю приезда гостей – автоинспектор.

Назавтра Боря официально сдал все полагающиеся экзамены, а через день уже вел машину по дороге в Москву как полноправный автолюбитель.

С тех пор мы ездили с братом повсюду. Я благополучно пересел на место инструктора, и постепенно осваивал транспортные магистрали Москвы. Ездили много, и вскоре я стал ориентироваться в этом гигантском городе, который в ближайшее время должен стать местом моего постоянного проживания.

Мое отношение к Москве всегда было двойственным. С одной стороны, я понимал, что Москва никогда не станет мне родным городом, таким как Харьков – город детства и юности, город, в котором я «получил путевку во взрослую жизнь». С дугой стороны, и Москва никогда не была чужим городом. Здесь всегда жили близкие родственники, которых мы нередко навещали. Москву я помню с детства. В последние годы гораздо чаще бывал в столице, но всегда проездом, останавливаясь ненадолго и осваивая традиционные маршруты приезжих. Но вот уже два года здесь живет моя маленькая семья, для которой Москва – родной город. Он, конечно же, привлекал, манил своими возможностями, но одновременно отталкивал и даже пугал своими масштабами и непредсказуемостью сиюминутного бытия. И еще мне всегда казалось, что в этом гигантском мегаполисе так легко потеряться – потерять себя.

И все же, как бы я ни относился к Москве, мой выбор был предопределен уже тем, что у меня не было иного выбора. Я лишь надеялся, что со временем Москва станет и моим городом, потому что мне предстояло здесь жить не одному, а вместе с «дорогими моими москвичами» – женой и дочерью.

Однажды мы возвращались с Борей из Подмосковного Красногорска, где у него были какие-то дела. Неожиданно я ощутил в салоне сильный запах бензина. Когда сказал об этом брату, тот не удивился.

– Да бензобак подтекает. Никак не могу определить, в каком месте, – спокойно ответил Борис. По моей просьбе мы остановились и ужаснулись – весь бензобак был мокрым от вытекающего откуда-то бензина. Я осмотрел бензопроводы – они были сухими.

– Боря, новый бензобак стоит копейки. Недалеко от моего дома есть магазин «Автозапчасти». Заменить бензобак не проблема. Справимся сами, – предложил я.

Боря согласился. Прямо напротив дома нашли подходящую траншею, и минут за сорок справились с проблемой. А когда Боря, сняв старый бак, с досадой бросил его на землю, тот разошелся по проржавевшим соединениям. Внимательно осмотрев его, осознали, какой опасности подвергали бы себя, пытаясь залатать эту рухлядь.

Боря впервые оказался в нашей новой квартире. Больше года назад он был у нас еще в старой. Тогда он сделал первые снимки нашей двухмесячной крошки. Похоже, теща его не запомнила. Сейчас же он ей очень понравился.

– Видный мужчина, – одобрительно заявила она, когда Боря уехал, – Самостоятельный и веселый… Хороший у тебя брат.

Как-то в выходной к Боре приехали в гости Гена с женой Тамарой. Я уже не видел Тамару лет пятнадцать, да и она меня смутно помнила. Когда привез к Геннадию дядю Ваню и Шурика, она была на работе. Так что у Бориса мы познакомились с ней заново.

Гена объявил, что им уже выделили новую квартиру на южной окраине города. И они скоро переедут туда. Когда Гена куда-то вышел, Боря высказал мне все, что думал о визите брата.

– Знаешь, Толик, Генка не в нашу Зарецкую породу пошел. Типичный Панин… Представляешь, в кои-то веки приезжаю к нему в гости, а он мне молоточек протягивает: «Боря, прибей мне вот сюда этот гвоздик, а то я не умею». Мужик называется… С детства такой… Терпеть не могу… Вот и сейчас, зачем, думаешь, ко мне пожаловал? Наверняка будет просить, чтоб помог им с переездом и обустройством новой квартиры.

Похоже, в своих предположениях Боря оказался прав. Я не слышал разговора братьев, но вскоре Гена и Тамара попрощались и ушли. Я же получил приглашение посетить их всем семейством в ближайший выходной.

Таня восприняла приглашение положительно. До этого визита о моем втором брате и его семье она фактически ничего не знала. Встретили нас радушно. Нашлись и общие интересы – грибная охота. Сам Гена Тане не приглянулся, а вот с Тамарой они, несмотря на разницу в возрасте, быстро нашли общий язык, и вскоре уединились посплетничать. Гена же обратился ко мне с той же просьбой, на которую, очевидно, получил отказ брата.

В результате у меня на целых две недели появилось занятие. Оно не было для меня новым – еще в начале года я перевез на новую квартиру свою семью. Мой опыт, конечно же, пригодился. И вскоре семья Гены справила новоселье, а я снова объявился в Измайлово.

– Ну, что я тебе говорил? – смеялся Боря, – Генка меня не заарканил, так за тебя взялся. Я сразу понял, что сдашься.

Но, помогать пришлось и самому Борису. По случаю, он приобрел великолепную деталь интерьера – люстру. Это было нечто. Очень красивая люстра с множеством изящных хрустальных штучек буквально преобразила квартиру. Когда мы ее, наконец, включили, от нее нельзя было оторвать глаз – она ожила, переливаясь всеми цветами радуги… Ни в одной из генеральских квартир я не видел такого чуда… Да-а-а… И такое чудо за приличные деньги приобрел простой сторож автостоянки.

Глава 4. Ответственный квартиросъемщик

В октябре пришла телеграмма из Харькова – меня приглашали для участия в судебном процессе. Бюрократическая машина щелкнула и на один щелчок продвинулась к моей цели. Что ж, снова в путь.

В Харькове меня встретили как спасителя человечества. По мнению адвоката, я был проходной пешкой в предстоящих судебных баталиях. И еще меня ждали длинные мамины списки «Работа для Толика».

Но начал с похода в паспортный стол. Неожиданно в голову пришла удачная мысль, которую тут же захотелось проверить на практике. А рассуждал так. Прошло время, и вряд ли кто-то из паспортисток помнит о поголовном запрете прописки в нашу новую квартиру. Одно дело, если паспорта принесли бы все, кто вписан в ордер. Проверят ордер, поднимут документы, непременно вспомнят. Совсем иное, если требуется прописать одного человека – например, вернувшегося из армии сына к родителям. Но за время службы родители получили новую квартиру. Спрашивается, зачем прописываться в старой, где, возможно, живут другие люди, и тут же выписываться из нее, если проще отметку о прописке сразу сделать по новому адресу. Автоматически теряется прописка по старому адресу.

Захватив необходимые справки, двинул в паспортный стол. Логика моих рассуждений сработала. Меня выслушали, проверили документы и, не обнаружив крамолы, предложили написать заявление. Едва это сделал, мне порекомендовали поскорей попасть к начальнику паспортного стола, потому что его, в связи с юбилеем, не будет на службе целую неделю, а без подписи начальника дело встанет.

Чиновника перехватил уже у машины. Я попросил его войти в положение: вернулся из армии, срочно нужна работа, а без прописки не устроишься. Мне повезло – попал под благодушное расположение широкой души бюрократа накануне его личного праздника.

– Как там наша армия? – покровительственно спросил начальник, очевидно бывший военный, даже не читая заявление, а лишь просматривая на нем визы своих подчиненных.

– Как положено – крепит могущество.

– Где служил? Чем занимался?

– Сушил порох на солнышке в Среднеазиатском округе.

– Как это? – не понял юмора бюрократ.

– Как учит партия – держать порох сухим, – уточнил я. Бюрократ рассмеялся и тут же подмахнул мое заявление.

Подписанное заявление подшили в дело, заполнили какие-то бланки. И произошло чудо – у меня взяли паспорт на прописку!!! Предложили зайти денька через три.

Три дня был как на иголках. Все валилось из рук, а потому мамин список таял медленно. И вот я снова в паспортном столе. Очень буднично, покопавшись в ящичке, мне возвратили паспорт, в котором стоял штампик о прописке в новой квартире… Полный бред! Так просто? Но факт налицо – бюрократическая машина дала сбой и вместо тормоза нажала акселератор.

Как единственное прописанное в квартире лицо я автоматически стал квартиросъемщиком. Более того, с этого момента с нас просто обязаны брать квартплату, которую до сих пор брать отказывались. Одним словом, оказалось, что в нашем гигантском бюрократическом аппарате правая рука совсем не знала, что делает левая, и мне удалось этим воспользоваться. Удача вдохновила, и я направился в военкомат.

В военном ведомстве такой же аппарат, размахивая множеством правых и левых рук, ситуацию все же контролировал. Я написал необходимое заявление о переводе моих документов в Москву, подписал его у военкома, контора заполнила бланки… Увы… На финишной пря-

мой какой-то клерк, проверив уже упакованное дело, бланки и паспорт, заявил, что все будет отправлено по адресу, но предварительно я должен предъявить ему паспорт, в котором будет штампик о выписке из Харькова. Военные бюрократы нажали на правильную педаль и тормоза сработали…

Наш адвокат был в восторге. Он и так «накопал» немало. Оказалось, претендент на нашу квартиру имеет собственный дом в области. Более того, он и его семья прописаны и до сих пор живут в том доме, а не в общежитии, как указано в заявлении «истца». Справки о проживании его семьи в общежитии – липовые. А недавно истец бросился активно продавать свой дом в надежде «на халяву» получить квартиру в Харькове.

– Да-а-а… Кому рассказать, не поверят, – удивлялся адвокат, – В арестованную квартиру прописывают человека, даже не включенного в ордер, то есть не имеющего на нее никаких прав. Этот человек женат, имеет ребенка. Он, как квартиросъемщик, имеет право прописать свою семью. Квартира для ведомства, выдавшего ордер, потеряна. Класс!!!

– Не хочет жена из Москвы переезжать в Харьков, – робко возразил я.

– Не хочет, и не надо. Важно, что это в принципе возможно, – продолжал рассуждать юрист, – Вернуть ситуацию в исходное невозможно. Вас уволили из армии по болезни, по психиатрической статье. У вас иммунитет. Допустим, из благородных побуждений вы согласитесь прописать в вашу квартиру родителей. А братьев, особенно женатого, не рекомендую, – продолжал фантазировать адвокат, – Все эти лица прописаны на жилплощади, на которую ведомство незаконно выдало ордер. В общем, это дело у меня в кармане.

Как всегда, совершили культпоход на старую квартиру. К всеобщему удивлению, в квартире плотно поселился Шурик – сын дяди Вани. Вся комната была загромождена его вещами. Самого Шурика, да и Саньки не было. Первый – на занятиях, второй – на работе. Нас встретила только Тамара с ребенком.

Тамара тут же пожаловалась, что ей такое соседство не полюбу. Мало того, что приходится ухаживать за незваным гостем, который, конечно же, как родственник ни за что не платит, но такое ощущение, что гость постепенно становится хозяином. А причина одна – водка. Он методично спаивает слабовольного Саньку, которому вообще нельзя пить.

– И давно он у вас живет? – спросила мама.

– С конца августа. Уже два месяца. Они тогда с дядей Ваней приехали. Дядя Ваня еще недели две пожил, а этот остался, – ответила Тамара.

– Надо же. А к нам ни разу не заехали, – удивилась мама, – И вы что-то затаились. Да и Володя ничего не сказал.

– Володю они особо предупредили, чтоб не говорил. Он к нам вообще перестал заходить, как только этот тип окончательно здесь расположился.

– Батя, – вмешался я, обращаясь к отцу, внимательно слушающему, но не участвующему в разговоре, – Это же легко прекратить. Пусть переселяется в общежитие, или снимает квартиру, но не здесь. Он же не просто так Саньку спаивает. Когда вопрос с квартирой решится, он втихаря пропишется здесь и оттяпает комнату, а то и всю квартиру. С него станет… У меня есть план.

– Что за план? – оживился отец.

– Проще простого. Мы сейчас уезжаем. Тамара никому ничего не рассказывает о нашем визите. А ты попроси своих знакомых милиционеров из паспортного стола, чтобы они внезапно проверили квартиру на предмет установления проживающих в спорной квартире. Все, кроме Шурика, проживают законно. А дальше совсем просто – в 24 часа покинуть спорное жилье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.